

Спасение Торы из огня Катастрофы

Ехезкель Ляйтнер

Черда казалась бы несвязанных друг с другом событий, произошедших в течение нескольких десятилетий перед началом Второй мировой войны, как оказалось потом, подготовила почву для спасения крупных литовских йешив из самого очага разгорающегося пламени Катастрофы.

Гл. 1: Благочестие польского еврейства

Вопреки всем объективным обстоятельствам в гитлеровском и сталинском аду Провидение уберегло и освободило самых выдающихся знатоков Торы Старого Света. Их последующее влияние фактически преобразило лицо мирового еврейства.

Иногда Всевышний предпочитает обнаружить Свое Присутствие. Достаточно вспомнить Исход, Синай, Бейт Амикдаш, пророчества, чудеса... Но иногда Б-жественное Присутствие скрыто от глаз, примерами тому — Израиль в изгнании, страдания праведников, процветание грешников, народ Торы, обращенный в прах, абажуры и мыло...

Бывает и так, что пророки и мудрецы помогают нам прочесть начертанное Б-жественным Провидением. Но если нет пророков, наша способность к такому чтению гаснет. Тогда облик и сама судьба еврейского народа кажутся пугающе неопределенными.

Однако даже в беспорядочных бликах чередующихся светлых и черных времен проявления или сокрытия Провидения, всегда остается присутствие Б-жественной защиты, которая — пусть даже в самых глубинах зла! — убережет тех, кто, ведя за собой остальных, своей ученостью поможет потом возродить Тору и нацию, убережет тех, кто, по меньшей мере, в силу своего опыта, сыграет решающую роль в постижении нового Провидения.

Таков был Моше, таков был Иосеф, таковы были Даниэль и его соратники, такою была Эстер. Такими были и те избранники Всевышнего, которые боролись за избавление Его народа в гитлеровской Европе — в условиях не менее сложных, нежели уготованы были Моше, Иосефу, Даниэлю или Эстер.

Вопреки всем объективным обстоятельствам в гитлеровском и сталинском аду Провидение уберегло и освободило самых выдающихся знатоков Торы Старого Света. Их последующее влияние фактически преобразило лицо мирового еврейства.

Спасти удалось не только этим глубоко уважаемым ученым, но и горстке наших сестер и братьев, которые посчитали своим долгом запомнить и рассказать все, чему они были свидетелями в Польше, Венгрии, Сибири — везде, куда протянулась длинная рука Дьявола.

Трудно выразить всю меру нашей благодарности авторам этих воспоминаний. Читая захватывающие строки о спасении евреев в те страшные годы, понимаешь:

Превечный Покровитель Израиля не обманывает ожиданий.

Предисловие

«Я буду славить Имя Б-га в песне, возвеличивать Его в благодарении» (Теилим 69:31)

Во веки веков не утихнет отзвук битвы Яакова с ангелом Эсава-Эдома! Подтвердилось призвание Яакова, предопределенное пророчеством. За эту победу он заплатил лишь небольшой хромотой, от которой, впрочем, скоро избавился. Но по сей день евреям, его потомкам, запрещено

прилагаться к мясу, которое облегает у животных «смещенное сухожилие». Этот запрет служит постоянным напоминанием чудесного спасения Яакова в том незабываемом поединке.

Предлагаемая читателю эпопея спасения Торы, а также ее носителей есть не что иное, как еще один эпизод той вечной битвы. Понимая исторические масштабы этих событий, и испытывая чувство благодарности к Всевышнему за Его благосклонность, которую Он проявлял ко мне на протяжении всех моих шестилетних странствий из Европы в США — по Прибалтике, России, Японии и Китаю — я обязан поведать о некоторых фактах этого спасения Торы от Катастрофы как можно более широкому кругу людей.

В своем рассказе я часто полагался на аналитические оценки машгиаха ешивы Мир рабби Ехезкеля Левенштейна, обладавшего прекрасной памятью. В лекциях перед аудиторией рабби всегда демонстрировал глубокий анализ тех исторических явлений, с которыми нам приходилось сталкиваться в тот период. Его подход к этим перипетиям — в то время, как и ученики, и учителя чудесным образом плыли в Ковчеге Торы по бурным волнам еврейской истории — наполнял каждое такое событие особым смыслом, раскрывал перед учениками его значимость и придавал логическую стройность всей цепи исторического процесса.

Я хочу поблагодарить за поддержку, советы и предложения моих друзей и специалистов: редактора журнала Лайт Иеошуа Леймана, который дал мне ценные указания по изданию этой книги и немало потрудился над ее редактированием; автора книги «Японцы, нацисты и евреи» профессора Давида Кранцлера; автора книги «Дороги жизни» рабби Касриэля Орбаха; а также бывшего секретаря ешивы Мир рабби Иосефа Д. Эпштейна, который великодушно предоставил мне необходимые фотографии.

Выражаю признательность и благодарность моему преданному брату рабби Бен Циону Ляйтнеру за тщательную работу над этой книгой. Он уделил много внимания критическому анализу всей рукописи, а также дал практические рекомендации, касающиеся организации материала.

Отдельные слова благодарности моей жене Саре за ее поддержку и помощь.

Авторский подход, способность впитывать и систематизировать исторические факты сформированы взглядами и отношением к жизни, жертвенностью и воспитанием, которые передали мне мои родители. Их мученическая смерть стала не только высшей точкой их судеб, но и отражением самой сути их нравственных устремлений на протяжении всей жизни, наполненной огромной еврейской духовностью. А потому моя книга посвящается памяти моих родителей, их постоянному стремлению служить Всевышнему и их неукротимому стремлению воспитывать те же принципы в своих детях. Пусть замыслы и поступки детей и внуков моих родителей будут прямым продолжением их идеалов.

Ехезкель Ляйтнер, Нью-Йорк, Бруклин

Вступление

На протяжении всей истории еврейского народа выдающиеся знатоки Торы и Талмуда становились во главе известных ешив — академий еврейских наук. Особенно характерно это было для России, Польши и Литвы, чьи знаменитые сшивы подняли изучение Торы на небывалую высоту.

Одной из самых престижных в Европе была ешива Мир, основанная в 1817 году в отдаленной польской провинции близ границы с Россией. Благодаря ешиве, где занимались студенты из разных городов и стран, этот штетл превратился в интернациональное сообщество. Молодые евреи съезжались сюда не только из Польши, России и Литвы, но также из Франции, Германии, Швеции, Англии, Америки и даже из Южной Африки. Рабби Авраам Калманович, возглавивший ешиву после ее переезда в США, как-то заметил, что единственной страной, не представленной в Мире, был Китай.

— Вот почему, — добавил он, — спасаясь от Катастрофы, наша ешива переправилась именно в Шанхай.

Когда прославленная высшая школа по изучению Торы, где до войны собирались самые многообещающие еврейские умы, прибыла в 1946 году в Соединенные Штаты, Нью-Йорк принял ее со всей торжественностью. Ешиве был вручен символический ключ от города — честь, которой удостоиваются лишь выдающиеся государственные деятели и знаменитости мирового значения. Для учащихся, которые отстаивали знамя еврейского учения в годы войны сначала в Польше и Литве, а затем в Японии и Китае, основание сшивы в Нью-Йорке означало начало новой жизни. Воодушевленные поддержкой своих духовных наставников эти молодые люди сумели преодолеть войну, голод, всевозможные физические и моральные опасности. Освоившись в новой мирной жизни в Америке, многие из них занялись переустройством старых и открытием новых центров и учебных заведений высшего еврейского образования в Соединенных Штатах. Став руководителями, наставниками, организаторами, специалистами высочайшего уровня, вчерашние ученики приложили все силы, чтобы преобразовать систему изучения Торы в свободном мире.

Чудесное спасение ешивы Мир, наряду с частично спасшимися другими сшивами, было Божественным средством для перенесения вечной Торы с одного континента на другой, туда, где должна была начаться новая эра еврейского возрождения.

1. Благочестие польского еврейства

Первый сентябрьский день 1939 года начался для многолюдной Варшавы самым обычным порядком. Это было первое утро нового учебного года, и дети по дороге в школу смешивались с толпой рабочих и служащих, спешащих на фабрики и в учреждения.

Но вот над городом внезапно появились десятки военных самолетов. Люди смотрели в небо с удивлением и в то же время с гордостью — они были уверены, что это польская военная авиация. Хотя они и знали, что огромные немецкие полчища сосредоточены на границах страны, никому даже в голову не приходило, что эти самолеты могут быть чужими.

В считанные минуты высоко в небе возникли десятки, сотни крохотных точек, похожих снизу на конфеты, сыплющиеся прямо на головы варшавян. Эти точки росли на глазах, становились все более зловещими и достигали пугающих размеров перед тем, как упасть на столицу. Лишь в эти последние мгновенья люди осознали весь ужас разразившейся трагедии, но — слишком поздно. Смерть и разрушение воцарились на улицах города. Кругом падали стены, рассыпались здания, отовсюду слышались крики ужаса и стоны раненых. Люди в панике искали убежища под перевернутыми автомобилями, развалинами и обломками.

Германия начала войну! В то время, как шокированный мир застыл, не зная верить ли в то, что свершилось, Польша, не подготовленная к войне, оказалась застигнутой врасплох: о начале военных действий даже не было официально объявлено. Так обрушилась на человечество Вторая мировая война.

Все население Польши, в особенности уже подвергшиеся террору евреи, собирались толпами у немногочисленных радиоприемников и с нарастающим ужасом слушали сообщения о последних событиях на фронте. Все в стране понимали: польская армия под ударами немецкой военной машины терпит глобальное поражение. Немцы двигались по Польше сразу в трех направлениях. Круглосуточные бомбежки люфтваффе делали любые передвижения и переброски польской армии абсолютно невозможными.

Вторая мировая война началась для Польши бешеной атакой немецкой огневой мощи и силой наземного вторжения, которая ошеломила человечество жестокостью и быстротой натиска. Мгновенное и безоговорочное поражение Польши явилось для всего мира наглядным примером современной концепции блицкрига. Отрезанной от всякой помощи, искалеченной молниеносной

войной стране не оставалось ничего другого, как начать переговоры о капитуляции. Через три недели боевых действий Польша прекратила существование как независимое государство. Западную ее часть заполонили победоносные немецкие орды, восточную — вскоре заняла устремившаяся навстречу нацистам Красная Армия. Войска обоих агрессоров встретились на заранее оговоренной ими линии, проходившей по Бугу, и одновременно оккупировали, таким образом, всю польскую территорию, включая и еще недавно процветавшие центры еврейской жизни.

После полного распада религиозной жизни евреев в России, вызванного большевистской революцией 1917 года, Польша стала духовным средоточием мирового еврейства. Она превратилась в центр еврейской мысли и образования, в котором евреи всей земли видели гаранта своего будущего.

В 1939 году немцы развязали войну против всего цивилизованного мира в целом и против еврейского народа в частности. Их ненависть к евреям приняла форму военной кампании, не имевшей дотоле прецедента во всей истории человечества. Где бы ни появлялись немецкие войска, в кратчайший срок выходил приказ о полном уничтожении местного еврейского населения.

Но даже в те черные дни конца 1939 года евреи с убедительной силой проявили свои высокие духовные качества.

Уже через две недели боевых действий большая часть Польши была оккупирована, и только Варшава продолжала безнадежное сопротивление. В последнем, но уже тщетном порыве патриотизма защитники польской столицы отчаянно пытались продолжать войну, которая, как они сами понимали, была безнадежно проиграна. Тем временем еврейское население Варшавы возросло в несколько раз: здесь нашли последнее пристанище тысячи евреев-беженцев, пытавшихся спастись от наступающего врага.

Тяжелая немецкая артиллерия со всех сторон вела жестокий прицельный обстрел окруженного города. Часть тяжелых орудий была нацелена специально на еврейские районы. Одновременно немецкие самолеты беспрепятственно летали над городом на бреющем полете и сбрасывали бомбы в первую очередь на дома, в которых жили еврейские семьи. Тем, кто теснился в укрытиях и убежищах Налевки, Тварды и Гржибовской улицы, казалось, будто бомбы рвутся совсем рядом, даже если смертоносный груз падал за милю или две оттуда.

В конце концов командующий польской армией понял, что у него остался только один выход — сдать и прекратить это губительное сопротивление. Огонь был прекращен к полудню 27 сентября 1939 года, в среду, накануне праздника Суккот. Немцы были как всегда пунктуальны: оглушающий грохот рвущихся бомб стих в одночасье. После долгих дней и недель непрекращающихся обстрелов и бомбежек внезапно наступившая тишина оглушала.

Среди еврейских беженцев, очутившихся в осажденной Варшаве, находился достопочтенный рав из Бриска (Брест-Литовска) рабби Ицхок Зеев Соловейчик. Он проводил свой летний отпуск на курорте в Отвоцке, пригороде Варшавы, и оказался среди сотен тысяч людей, хлынувших в столицу с началом войны. Спустя годы рабби Соловейчик поведал о своих переживаниях в первую ночь после прекращения штурма Варшавы.

Едва соглашение о перемирии вступило в силу, люди начали выбираться из убежищ. Сотни оставшихся в живых варшавских евреев тут же принимались собирать обломки дверей, оконных рам и строить из них сукки. К заходу солнца — а оно в тот день опустилось в 17 часов 40 минут — многочисленные шалаши приветствовали праздник Суккот. И это несмотря на то, что немало еврейских построек было разрушено шныряющими по городу бандами немецких солдат и их польских приспешников.

Какой потрясающий феномен еврейской веры, проявившей себя посреди народных страданий! Из тех, кто вышел из-под обломков, из убежищ, не было почти никого, кто бы не потерял близких во

время двухнедельного обстрела и бомбардировок. Кто в тот момент, после стольких дней и ночей парализующего страха, бессоницы и голода, мог полностью владеть собой?

— Неужели хоть кто-нибудь способен был в те минуты думать о мицвах? — восхищенно спрашивал рав из Бриска, которого в народе прозвали «реб Велвел». — Разве мог я сравнивать себя с этими людьми великой веры, варшавскими евреями!

Портные и сапожники, мастера и лавочники — все евреи Варшавы, потерявшие родных и любимых, накопленное за всю жизнь тяжким трудом, смотревшие в будущее с невыразимым страхом, по-прежнему обладали силой, достаточной, чтобы помнить о соблюдении мицв (заповедей), связанных с приближающимся праздником Суккот. И они строили свои сукки, и доставали лулав и этрог. Есть только единственное объяснение всему этому. Для варшавских евреев соблюдение иицв служило источником жизненной силы, а потому именно о мицвах думали они даже в те катастрофические часы.

Ночь опустилась над Варшавой, первая ночь немецкой оккупации. В городе был объявлен комендантский час: в темное время суток никто, кроме захватчиков, не имел права появляться на улицах.

Гл. 2: Мицва этрога

Эпопея спасения литовских йешиив во время Второй мировой войны. Глава вторая. Мицват этрог в оккупированной немцами Варшаве

Задняя часть дома, в котором жили рав из Бриска и еще один еврей, была разрушена бомбой. Сосед рава сидел на земле в глубоком молчании. Кто в те роковые дни не был подавлен чудовищными потерями? У кого не щемило сердце от того, что все самое дорогое в жизни погибло в считанные дни? Рабби попытался утешить соседа. — Реб ид, — сказал он, — не предавайтесь мрачным мыслям. Вспомните — ведь сегодня йом тов. В этом году Суккот начался с царат рабим, когда еврейская община скорбит, оплакивая понесенные потери. Но если мы сплотимся в нашем общем горе, то найдем в себе силы, чтобы возвыситься над бедой каждого.

— Ребе, — в волнении произнес сосед, — не это убивает меня. Душа болит о другом: как я нынче смогу исполнить мицву благословения этрога завтра утром?

— Если именно это тревожит вас, мой дорогой друг, — я помогу вам! Этрог при мне.

— Неужели, ребе? Не может быть! — И человек ожил в мгновение ока. Он вскочил на ноги, будто заново родившись. Лицо этого еврея, чудом выжившего под бомбами, вмиг просветлело. Едва улеглась долго мучившая его тревога, изможденный сосед уснул сном праведника. Уснул вскоре и реб Велвел.

Еще не рассвело, когда рава разбудил гул толпы. Он осторожно приблизился к двери своего убежища и с удивлением увидел длинную очередь евреев, вытянувшуюся на несколько кварталов. И тогда сосед рассказал ему о благочестии и преданности варшавских евреев своей вере. — Нынче всего четыре лулавим и этрогим на всю Варшаву, — начал он, — ведь немцы еще до Рош Ашана разбомбили все, что двигалось в столицу, не говоря уж о поездах. Вот ни один этрог и не попал в Варшаву. Так что на всех варшавских евреев осталось всего три этрогим. И когда вы сказали мне, что у вас есть еще один, четвертый, я обмолвился об этом кое-кому, и слух тут же разнесся по всему городу. Эти люди стоят здесь со вчерашнего вечера. Они простояли всю ночь, невзирая на немецкий комендантский час, преодолевая страх, — только бы исполнить мицву.

— Я знаю, — продолжал сосед, — никому нельзя оказывать предпочтение в таком деле. Каждый должен ждать своей очереди, чтобы исполнить мицву. Но здесь есть один старик, который пришел из предместий Праги, а очередь его раньше, чем к концу дня, не подойдет. Нельзя ли в порядке исключения пропустить его вперед? Ему ведь надо успеть вернуться домой ко второму дню Суккот, чтобы поспеть на йом тов шени и похоронить одного из погибших в его семье.

Рав согласился и тут же воскликнул: — Эти евреи, проявившие столько преданности вере, должны исполнить мицву раньше меня! Разве могу я сравниться с такими необыкновенными людьми!? На рассвете взвыли сирены. Подъехали грузовики с немецкими солдатами. Они спрыгивали на землю и сразу набрасывались на толпу евреев, орудуя направо и налево прикладами. — Вы что, не знаете, что объявлен комендантский час! — кричали солдаты. — Мы раздавили вашу польскую армию, а вы еще смеете бросать нам вызов! Раздались вопли избиваемых и стоны упавших на землю раненых. Разогнав всех, немцы отправились на расправу с другими евреями. Однако спустя пять минут та же очередь стояла на прежнем месте. Евреи с нетерпением ожидали рассвета, чтобы исполнить драгоценную мицву.

Гл. 3: Польские центры по изучению Торы снимаются с места.

Даже много лет спустя никто не мог объяснить этот мгновенный импульс, заставивший людей лишь на основании слухов броситься в дорогу, не испытывая и тени сомнения. Казалось, их мыслями, побуждая к общему действию, непосредственно управляла Б-жественная сила.

Трагедия польского еврейства не миновала и местные центры по изучению Торы — ешивы. Для крупнейших талмудических академий в Мире, Каменце, Клецке, Люблине, Любавичах, Гродно, Новардоке, Барановичах, Пинске, как, впрочем, и для других, менее известных сшив, начались черные дни. Все мысли были об одном — как спастись? В числе выдающихся центров, где несмотря на все беды, продолжались интенсивные занятия, была и попавшая в советскую зону оккупации ешива Мир.

Однажды ночью в начале октября 1939 года один из учеников этой ешивы тайно слушал сообщение Лондонского радио, вещавшего на оккупированные территории Европы. В частности, сообщалось, что город Вильно, находящийся на занятом Красной Армией севере Польши, будет присоединен к соседней нейтральной Литве. Это была потрясающая новость. Вероятно, то была единственная возможность избежать порабощения! Всякий, кто попадет в Вильно до присоединения этого города к Литве, автоматически окажется отрезанным от опасностей и рабства и снова сможет наслаждаться свободой, живя в вольном мире.

Это сообщение вызвало у всех студентов и преподавателей ешивы Мир огромное воодушевление. Словно всесильное Б-жественное вдохновение привело в движение массу людей. Уже через сорок восемь часов ешива тронулась в путь. Каждый на свой страх и риск, без всяких указаний и заранее составленных планов, упаковав пожитки, пытался разыскать лошадь, повозку или еще хоть что-нибудь, на чем можно добраться до ближайшей железнодорожной станции Городзей. Оттуда шел прямой поезд до места назначения — Вильно.

Что же заставило сотни учащихся и равов сняться с места? Ничего определенного и проверенного — один только слух, о котором передало радио!

И все же, как бы там ни было, а ровно через сорок восемь часов маленький городок был совершенно пуст: Ешива покинула его, все как один. Даже много лет спустя никто не мог объяснить этот мгновенный импульс, заставивший людей лишь на основании слухов броситься в дорогу, не испытывая и тени сомнения. Казалось, их мыслями, побуждая к общему действию, непосредственно управляла Б-жественная сила.

В конечном итоге значительная часть учеников большинства польских ешив и почти всей ешивы Мир собралась в Вильно. Жили они там в самых тяжелых условиях — не имея крыши над головой, впроголодь. Пока 28 октября 1939 года Вильно не присоединился наконец к свободному миру.

Так в короткий срок большинство воспитанников ешивы и их преподавателей, верные защитники Торы, спаслись и возобновили занятия в Вильно и других городах маленькой, но вольной Литвы.

Гл. 4: Очертания чуда.

"Б-жественное Провидение пожелало спасти Тору и учёных мужей от гибели. Вот почему ещё двадцатью годами раньше Г-сподь одному ему ведомыми путями начал подбирать и плести нити истории, из которых Он в итоге сплёл эпопею нашего спасения"

Какому странному зигзагу истории обязан Вильно своим превращением в центр спасшихся чудодейственным образом ешив Польши?

Рабби Ехезкель Левенштейн, знаменитый машгиах ешивы Мир, проанализировал исторические события, которые сделали возможным столь замечательное спасение.

— Б-жественное Провидение, — сказал он, — пожелало спасти Тору и ученых мужей от гибели. Вот почему еще двадцатью годами раньше Г-сподь одному Ему ведомыми путями начал подбирать и плести нити истории, из которых Он в итоге сплел эпопею нашего спасения.

После того, как 9 октября 1920 года две дружественные страны — Литва и Польша — установили признанную обеими сторонами границу, польский генерал Люциан Зелиговский послужил причиной конфликта между двумя добрыми соседями, который продолжался двадцать лет. Безо всякого согласия своего правительства — о чем было потом официально заявлено — он вторгся со своей армией в Вильно, являвшийся тогда литовской столицей, дабы присоединить этот город к Польше и дать ему свое имя. Сия пиратская акция породила в Лиге Наций бурю, не утихавшую долгие годы. Польское правительство официально объявило действия своего генерала безответственными и мятежными.

Тем не менее три года спустя Вильно был включен в Польскую республику. В ответ Литва разорвала с Польшей дипломатические отношения, и этот разрыв длился два десятилетия, до тех пор пока Польша не пала в самом начале Второй мировой войны.

Странная история с Вильно, его аннексия, последующее включение в состав Польской республики, а затем возвращение обратно Литве — все это были первые звенья в цепи событий, сотворенных Провидением, дабы вырвать знатоков Торы и их учеников из водоворота смерти и разрушений, перенеся их в мир свободы и безопасности.

Лишь через двадцать лет были с трепетом осознаны один за другим события, которые вроде бы не имели ничего общего между собой. Эти события послужили теми необходимыми предпосылками, которые привели в конечном итоге к спасению ешив и постигавших Тору рабаним, являвшихся лидерами и гарантами будущего всего еврейства.

Со временем мудрецы Торы свели воедино необычные факты, посредством которых Провидение выстроило ковчег, имя которому Вильно. В 1938 году, всего за год до начала Второй мировой войны, Польша провела весьма странную мобилизацию призывников, чтобы выступить против крошечной Литвы. Поляки провозгласили единственный в своем роде лозунг: "Война для установления мирных отношений". Этот ультиматум ставил своей задачей достижение добрососедства взамен отсутствия каких-либо мирных контактов и состоял из следующих пунктов: установление дипломатических отношений, реконструкция железной дороги, соединяющей Ковно и Вильно, восстановление торговли, средств связи и шоссейных дорог.

Эти условия и вымостили тот путь, на котором нашли свое спасение в грядущем шторме защитники Торы.

Маленькая Литва подчинилась могущественной соседке и всего через шесть месяцев выполнила все ее требования. Дипломатические отношения были установлены, в Ковно открылось польское консульство, а между Ковно и Вильно было налажено железнодорожное и автомобильное сообщение.

Однако возможности, открывшиеся с присоединением Вильно к Литовской республике, грозили остаться нереализованными, поскольку у беженцев не было главного — паспорта. А приобрести паспорт в то время, как их родная Польша перестала существовать, казалось невозможным.

Когда в 1939 году Польшу стало представлять находящееся в лондонском изгнании правительство, консульство в Ковно превратилось в Польское представительство при Британском посольстве. Тогда же представитель Польши начал выдавать документы отчаявшимся польским

беженцам, перебравшимся в Литву. Эти проездные документы назывались польскими паспортами и для всех, получающих визы, служили надежным средством спасти свою жизнь.

Столь необычное событие 1938 года — достопочтенный рав из Бриска прокомментировал следующим образом:

— Теперь понятно почему так быстро построили железную дорогу и шоссе, — сказал он.

Для лагеря Торы “Вилейское чудо” имело и многие другие далеко идущие последствия, которые обнаружились только после войны, когда были открыты немецкие архивы. Э. Дж. Херцман в Нес Ацала так характеризует пакт о ненападении, заключенный между гитлеровским рейхом и Советским Союзом накануне Второй мировой войны¹. Этот потрясающий мир договор Молотова-Риббентропа неожиданно объединил двух смертельных врагов, фашизм и коммунизм, и, обеспечив безопасность огромных восточных границ Германии, швырнул гитлеровские армии на Запад.

Самая поразительная особенность пакта заключалась в том, что те же темные силы, которые были направлены на порабощение наций, — заботливо охраняли законные права крохотной Литвы и ее столицы Вильно. Немецкие архивы позволили узнать, что во время вращение Вильно Литве, наряду с другими изменениями границ в Восточной Европе, было оговорено в специальном приложении к пакту о ненападении.

Таким образом, позорный пакт Молотова-Риббентропа, послуживший толчком к разрушению мира и началом новой фазы маниакального преследования евреев, стал ключом к спасению души еврейского народа — ешив и их учеников.

Гл. 5: Литовские евреи — воплощение Торы и хеседа.

Беженцы в Литве

Хотя по сравнению со страданиями оставшихся в Польше родных и близких жизнь приехавших в Вильно знатоков Торы казалась раем, они, тем не менее, в полной мере испытали горечь, которая снесает беженцев, оторванных от своих корней.

Литовские евреи встречали польских соплеменников с присущими им воодушевлением и гостеприимством, которые давно вошли в поговорку. Большинство местных евреев после советской оккупации Литвы в июне 1940 года потеряло почти всю собственность и средства к существованию, что не мешало им спустя месяцы делиться со своими братьями зачастую последним — ведь те в разоренной Польше пострадали еще сильнее. Щедрость литовских евреев проявлялась с такой беспредельностью, что, если бы не свидетельства очевидцев, в нее трудно было бы теперь поверить. Никогда еще люди не подвергались такой суровой проверке, какая выпала в те дни на долю литовских евреев. И они с честью выдержали испытание. Кайшиадорис, пограничная станция на железной дороге Вильно-Ковно, по которой прибывали беженцы, для многих стала воротами в свободный мир крошечной Литвы. Даже после присоединения Вильно и окружающих его земель к Литовской республике перегруженный беженцами поезд нередко простаивал здесь часами. И вот перед составом неожиданно появлялся какой-нибудь еврей и принимался в отчаянии взывать:

— Помогите, помогите! Помогите, братья евреи, умоляю вас!

Пассажиры высовывали головы из вагонов, иные даже соскакивали на землю, спрашивая: — В чем дело? Что случилось? — Я живу тут рядом, — отвечал кричавший, — прямо за станцией, на той стороне Вокзальной площади.

— И что же у тебя стряслось? Какое горе? — недоумевали приезжие.

— Пойдемте со мной, добрые люди. Мой дом совсем близко. Прошу вас. До отправления поезда еще целых тридцать минут. Идемте же скорей.

Двое, трое, пятеро, а то и больше — кто любопытней и посердобольней — следовали за местным.

— Что же у тебя все-таки произошло? Заболел кто? — не выдерживал еще в дороге кто-нибудь из беженцев. — Скажи же, в чем дело!

— Ничего такого, благодарю Б-га, не случилось, — отвечал еврей. — Но без вашей помощи не обойтись. Мы тут приготовили для вас самое лучшее. Зайдите ненадолго, — настаивал он. — Закусите, отдохнете немного. Ну, пожалуйста, не отказывайтесь.

“Проблема” этого человека была типичной для литовского еврея. Несчастных беженцев наперебой угощали горячей пищей, хотя сами хозяева были весьма среднего достатка, даже в сравнении со скромным уровнем жизни в Восточной Европе. Накрывался роскошный стол, и вся семья потчевала гостей, подкрепляя их для дальнейшего путешествия в неведомое будущее. Желание местного еврея поделиться, поддержать и подбодрить пострадавшего собрата было на столько сильно, что он готов был упрашивать и упрашивал незнакомых людей не отказываться от его гостеприимства. Жгучее желание помочь беженцам на стезе испытаний затмевало все остальное. Чтобы обрести еду и кров, приезжим не приходилось искать синагогу или еврейскую школу. Если беженцам негде было ночевать, местные евреи отдавали им свой дом, а сами ютились, где придется. И чем больше у него оказывалось гостей, тем счастливей был хозяин: он сумел исполнить мицву гостеприимства и помог утешиться братьям-евреям.

В Слободке, пригороде литовской столицы Ковно коммунисты конфисковали у одного еврея булочную. Они разрешили бывшему хозяину работать здесь же наемным рабочим, но и то лишь до той поры, пока нанятые ученики не освоят его профессию. Даже официальные сбережения булочника были экспроприированы Советами. На какое же будущее мог надеяться этот человек!? И тем не менее его вера в Б-га, глубоко кая приверженность еврейству придавали булочнику сил и помогали преодолеть превратности судьбы. Он оставался ярким примером правоверного еврея и выполнял мицвы так же, как и прежде, когда его дом славился хлебосольством.

Каждый шабат после окончания утренней службы булочник по-прежнему принимал гостей — да не одного-двух, а как можно больше, — чтобы разделить с ними трапезу. Даже в будни зазывал он “на тарелку горячего супа” беженцев, всех без разбора. Огромные кастрюли постоянно кипели на плите. Армейский котел, полный наваристого бульона, был неизменным атрибутом застолий. Беженцы не сомневались, что эти щедрые угощения субсидировались какой-либо еврейской организацией или местным благотворительным фондом, и бывали поражены, когда впоследствии узнавали — хозяин, не взирая на бедственное положение своей семьи, тратил на них собственные скудные средства.

Все родные булочника, включая даже детей, которые были комсомольцами, прислуживали за столом.

— Не беспокойтесь, у нас все есть, — отвечали они, если гость интересовался их жизнью.

Литовским евреям приходилось тяжело. Их привычная жизнь была разрушена новым коммунистическим порядком. И все же многие, подобно этому булочнику, не испугались. Их истинно еврейский подход к бытию и его проблемам помог им найти моральные силы, чтобы увидеть, что польские беженцы очутились в еще худшем положении и нуждались в гораздо большей поддержке, чем местные евреи, у которых была хотя бы крыша над головой.

Факты проявления благородства и высокой человечности встречались по всей Литве повсеместно, в том числе и в отдаленных еврейских местечках. С одним из таких примеров щедрости, проявленной, правда, очень богатым человеком, автор этих строк столкнулся всего за несколько месяцев до присоединения Вильно к Литве. У жены того состоятельного еврея было предостаточно работников и прислуги, но она сама стряпала, пекла и прислуживала беженцам.

— И разве они не знатоки Торы, не ешиботники? Разве не потеряли они в Польше семью и кров? Никто не сможет лишить меня права обогреть и накормить этих несчастных! — И стараясь показать всю искренность своего радушия, она подавала вкуснейший домашний хлеб, печености, не жалела муки с собственной мельницы, свежих овощей и фруктов из своего сада и

приправленного шоколадом молока. Все эти деликатесы подавались на стол на фарфоре и непременно самой хозяйкой. После возвращения с утренней службы гостей ожидали самые изысканные завтраки. Всем лучшим, что было в доме, беженцев угощали скорей как избалованных детей, нежели как почетных гостей.

Гл. 6: Снова в западне.

Красная Армия оккупирует Литву, Латвию и Эстонию. Теперь на ешиботников можно навесить двойной ярлык: они не только "служители культа", но и "перебежчики", т. к. однажды уже предпочли Литву Польше, оккупированной Советами.

В июне 1940 тысячи знатоков Талмуда, учащихся ешив и других еврейских беженцев из Польши года вновь очутились в западне: Красная Армия внезапно оккупировала до той поры еще независимые нейтральные прибалтийские государства — Литву, Латвию и Эстонию. Сейчас эти несчастные оказались вдобавок “преступниками-рецидивистами”! На них можно было навесить не только крайне опасный в Советском Союзе ярлык служителей культа, то есть злейшего врага народа и коммунистического режима, но, кроме того, перебежчиков, которые однажды уже предпочли Литву советскому сектору оккупированной Польши.

Коренные литовские евреи то и дело со страхом и сочувствием спрашивали своих братьев из Польши:

— Куда же вам теперь бежать? Это, к несчастью, последняя ловушка, из нее нет выхода. В самое безнадежное положение попали те, кто посвятил себя изучению Торы: в коммунистической России неукоснительно соблюдался партийный лозунг: “Кто не работает, тот не ест”. Кроме куска хлеба, у большинства населения страны, руководимой Сталиным, больше за душой ничего не было, но это хотя бы давало возможность не умереть с голода. Однако какую же непомерную цену надо было платить за эту возможность! Эксплуатация человека, которого считали винтиком огромного коммунистического механизма, была жестокой и безжалостной.

Впрочем, учащимся ешивы, как врагам режима, просто не разрешалось устроиться на работу, а потому они не могли рассчитывать даже на такую “привилегию”, как краюха хлеба. Более того, если бы религиозным евреям и удалось каким-то чудом устроиться на работу, их мытарства на этом бы не закончились. Рабочая неделя в коммунистической стране продолжалась пять дней, однако это не означало, что в остальные дни все отдыхали. За трудовой неделей следовал один единственный выходной — день “отдыха” и политического просвещения, — а затем снова начиналась рабочая неделя. Такая система имела своей целью помешать приверженцам различных религий — евреям, христианам, мусульманам — соблюдать святыне, предусмотренные их верой. Этот жизненный ритм являлся частью общего плана коммунистических властей искоренить религиозные чувства в душе народа. Одна пятидневка могла завершиться в воскресенье, другая — в субботу, третья — в пятницу. Таким образом, традиционного дня отдыха не существовало. Если кто-нибудь в силу своих религиозных убеждений не выходил в субботу на работу, и день этот не совпадал с официальным выходным, человека сразу увольняли, лишая заработка.

Могла ли в подобных условиях оставаться надежда выжить, не говоря уже о том, чтобы завести семью? Какая еврейская девушка решилась бы связать судьбу с человеком, отвергнутым советским обществом и обреченным на жалкое прозябание?

Казалось, учащимся ешив было уготовано беспросветное будущее, полное опасностей и неминуемой гибели от рабского труда в лагерях Сибири.

Согласно Торе, учащиеся ешивы всегда считались элитой еврейского общества, будущим нации, носителями основ еврейской мысли и гарантией ее выживания. Сейчас они угодили в западню, прямо в лапы к “русскому медведю”. Они встретили эту беду, напрягая все силы и поддерживая

себя неугасимой верой. И когда их спрашивали, куда они пойдут теперь, без колебаний отвечали всегда одно и то же:

— Всемогуший явил нам в прошлом чудеса, и Святое Провидение снова спасет нас, на сей раз из коммунистического капкана.

Они отвечали так, искренне веря в свои слова, поскольку не сомневались в истинности учения Торы, в вечных ценностях жизни.

Гл. 7: Ссылка по-советски.

До полного присоединения восточных польских земель к Советскому Союзу желающим воссоединиться с родственниками в США и Палестине разрешалось выехать в эти страны. Евреи толпами кинулись за разрешениями на выезд, и русские едва успевали составлять длинные списки желающих. Затем всех, кто был в списке, арестовали.

Первыми жертвами коммунистов стали 200 тысяч евреев с захваченных русскими польских территорий.

Вскоре после того, как Красная Армия укрепила свои позиции в Восточной Польше, русские обнародовали заявление, обращенное непосредственно к еврейскому населению, которое оказалось у них в заложниках. Всем, живущим в оккупированной Советами зоне, запрещалось передвижение за пределы установленных границ. Однако до полного присоединения восточных польских земель к Советскому Союзу желающим воссоединиться с родственниками в США и Палестине разрешалось выехать в эти страны. У какой еврейской семьи не было родных в Америке или Палестине! В крайнем случае их всегда можно было придумать. Лишь бы избежать нищенского прозябания под коммунистическим игом. Евреи толпами кинулись за разрешениями на выезд, и русские едва успевали составлять длинные списки желающих.

Спустя шесть недель военные власти объявили о введении для гражданского населения комендантского часа на всей оккупированной территории и назначили дату учений своих военно-воздушных сил. Для этого было приказано повсюду провести светомаскировку. В ту самую ночь, когда жители, выполняя приказ, занавесили окна, сотрудники НКВД, прочесав затемненные районы Белоруссии и Галиции, арестовали всех, кто ходатайствовал о выезде. Списки эмигрантов превратились в черные списки убежденных врагов коммунистического режима. Около 200 тысяч ничего не подозревающих евреев были подняты прямо из постелей. Им дали всего несколько минут, чтобы собрать пожитки, и отконвоировали в уже поставленные под погрузку вагоны. К утру новоявленных политических заключенных повезли прямо в Сибирь.

Не найти слов, чтобы передать стенания и слезы людей, на которых неожиданно-негаданно свалился весь этот кошмар. Без зимних теплых вещей евреи были полностью беззащитны перед суровым сибирским климатом. В ледяной пурге при страшных морозах они погибали тысячами. К тому же мужей и жен, женихов и невест часто разлучали, заставляя в одиночку, нередко за тысячи миль друг от друга, переносить муки рабского труда. Таким образом, ссыльным было отказано даже в человеческом участии и поддержке их родных и близких. Это просто чудо, что примерно шестидесяти процентам ссыльных все же удалось выжить, хотя ни души, ни тела их не были готовы к таким испытаниям.

Кто в те трагические дни мог себе представить, что спустя всего полгода этих несчастных будут считать счастливчиками, что им будут завидовать! А завидовали им евреи, попавшие под нацистское иго. Вывезенным в Сибирь и вправду повезло: им удалось избежать трагически известных во всем мире немецких лагерей смерти, которые были выстроены и на территории Польши.

Так Святое Провидение превратило жертвы одной из самых ужасных трагедий в объект зависти.

Гл. 8: Величайшее безрассудство.

Безрассудная мысль - просить выездные визы (после того, как за это были депортированы польские, белорусские, галицийские евреи) - захватила умы на сей раз еврейской молодежи России. Никто из верующих не мог объяснить, чем было вызвано такое повальное стремление — было ли оно результатом каких-то размышлений или попросту шагом отчаяния и безысходности угодивших в ловушку людей.

Не более полутора месяцев минуло со дня трагической депортации польских, белорусских, галицийских евреев, и вдруг та же мысль — просить выездные визы — захватила умы на сей раз еврейской молодежи России. Никто из верующих не мог объяснить, чем было вызвано такое повальное стремление — было ли оно результатом каких-то размышлений или попросту шагом отчаяния и безысходности угодивших в ловушку людей.

Вначале желание покинуть Советский Союз выразили всего несколько самых отчаянных смельчаков, затем их примеру последовали другие. Движение за отъезд нарастало, словно катящийся снежный ком, и вскоре стало массовым. Люди осаждали комиссариат внутренних дел, требуя в условиях сталинизма невозможного — разрешения покинуть Россию. Подобного рода требования являлись табу и рассматривались как преступление, как заговор против режима.

Что же заставило ученых мужей, людей здравого смысла вступить на путь самоубийства? Ведь только что было получено страшное предупреждение — тысячи евреев попали в Сибирь. Теперь оттуда всеми правдами и неправдами эти несчастные буквально забрасывали письмами своих безумных родственников, умоляя их не предпринимать столь рискованного шага. Ведь всего лишь высказанная вслух мысль о желании оставить “советский рай” могла навлечь беду не только на самого человека, но и на всю общину. Так или иначе, предупреждения были благоразумными. Очевидные факты толкали к четкому и разумному решению: отказаться от сумасшедшей попытки получить выездные визы. Однако невиданная сила, уже раз толкнувшая молодежь Торы на опасный путь, управляла мыслями и настроениями людей.

В те роковые дни один из членов такой инициативной группы решил обратиться к знаменитому горалю, “жребию” Виленского Гаона. Как известно, жребий бросают по однотомному Танаху. В критические моменты он может дать совет человеку или даже целой общине. Жребий отправляет вопрошающего к определенному изречению, которое и считается ответом на вопрос — как поступить в той или иной ситуации? Ответ этот, впрочем, должен быть объяснен компетентным равом.

Человек, обратившийся к Танаху в столь ответственное для евреев время, получил отрывок из Книги Шмот (19:4): “...и Я носил вас как на орлиных крыльях, и взял Вас к Себе”. Какого более ясного и четкого указания можно было ожидать, чтобы отпали все сомнения?

Возвращаясь к горалю, “жребию” Виленского Гаона, надо отметить, что его использование связано с рядом условий, не последнее из которых личность вопрошающего. В данном случае такой личностью был известный в своем кругу рав.

Гл. 9: НКВД в осаде.

— Сволочи, вам меня ни капельки не жалко! - кричал начальник городского управления НКВД товарищ Шлоссберг. - Хоть бы пожалели тогда остальных товарищей, которые сидят на работе заполночь, и ради кого? - ради каких-то кровопийц и паразитов!

Целыми днями до поздней ночи люди стояли в очереди, которая опоясывала все здание и вела вверх по лестнице в Управление Народного Комиссариата Внутренних Дел города Вильно — секретную полицию коммунистов. Работа здесь кипела до двух часов ночи: выдавались выездные

визы — небывалый случай в России, где прежде эти драгоценные документы даровали лишь избранным. Но сейчас “враги государства” буквально осаждали НКВД! Не раз комиссар грозился “перестрелять всех буржуазных паразитов у той самой стенки, вдоль которой они выстроили свою очередь”. Горы бумажных рублей высились на столах — налоги за бесценные документы, называемые так невзрачно, “выездные визы”, а на самом деле дарующие спасение. Выдача разрешений на отъезд была неслыханным в истории коммунистического режима.

— Сволочи, вам меня ни капельки не жалко! — кричал начальник городского управления НКВД товарищ Шлоссберг. — Хоть бы пожалели тогда остальных товарищей, которые сидят на работе заполночь, и ради кого? — ради каких-то кровопийц и паразитов!

Трудно было поверить, что в Вильно сталинский железный занавес вдруг ни с того ни с сего получил пробоину. Покинуть “советский рай” не разрешалось никому, дабы, не дай Б-г, мир не узнал правду о жизни в стране. По этой самой причине основной принцип советской политики и внутренней пропаганды гласил, что желание покинуть коммунистическую родину равносильно предательству. Что же теперь, в Вильно, привело к столь резкому повороту в политике Советов?

Судя по информации, просочившейся из руководящих кругов только что возникшей Литовской Советской Социалистической Республики, марионеточное коммунистическое правительство превратило прием желающих уехать в акт национальной гордости и поднятия престижа. Гостеприимство по отношению к беженцам из потерпевшей поражение Польши — как это преподносилось русским хозяевам — повышало авторитет Литвы в глазах остального мира. Кроме того, миллионные дотации, поступавшие из-за границы для поддержки еврейских беженцев, значительно укрепили бюджет республики. Литовские гордость и тщеславие требовали поэтому спасти польских беженцев от сибирских лагерей; это было бы издевательством над достойным поведением крошечной Литвы, руководимой мотивами человеколюбия.

В Москве, по сведениям, полученным из надежных источников, были поражены необычайной настойчивостью своего нового вассала и уступили требованиям выпустить из страны тех, кто желает уехать.

Как только эта просьба была удовлетворена, около двух тысяч человек шагнули сквозь пролом в железном занавесе. Люди по всей России смотрели на них, как на инопланетные существа — настолько нереальной была возможность покинуть Советский Союз.

Чтобы понять масштабы этого чуда, надо вспомнить тогдашнюю жизнь коммунистической России, откуда в 1920-е и 1930-е годы удалось выехать лишь считанным счастливицам, да и то при весьма необычных обстоятельствах. Например, рабби Калманович смог достать разрешение на отъезд отца, лишь получив для него с помощью американского сенатора место в делегации, во главе которой советский министр иностранных дел М. Литвинов направлялся в Америку.

Еще один пример такого рода — необычное избавление предыдущего Любавичского Ребе Йосефа Ицхака Шнеерсона. После того, как за религиозную пропаганду его приговорили сначала к расстрелу, а затем к длительному тюремному заключению, он был вдруг освобожден благодаря исключительному стечению обстоятельств. После большевистской революции Россию бойкотировал весь мир. Первой попыткой пробить изоляцию стал договор о торговле с небольшой соседней Латвией. Член сформированной для подписания этого договора латвийской парламентской делегации Мордехай Дубин был последователем Любавичского Ребе и сумел добиться его освобождения. Вот как случилось, что соглашение, имевшее важное значение для Советского Союза, помогло покинуть эту страну } раву Шнеерсону.

Таким образом, неудивительно, что беженцев-путе шественников, рассказывающих о массовом исходе евреев из Советской России, встречали с крайним удивлением и недоверием.

Гл. 11: Из России — в никуда.

Несмотря на то, что все евреи из оккупированных немцами стран были обречены на уничтожение, лишь немногие государства открывали двери еврейским семьям, да и то квота была чрезвычайно низка; зачастую дело ограничивалось только приемом детей

Побег из России в невероятных условиях, наперекор непредвиденным обстоятельствам был полон чудес. Теперь самое время рассказать историю о том, как возникло убежище, спасшее евреев.

Выездные визы из Советского Союза выдавались только в конкретные страны. В мрачные годы нацистских гонений никто не хотел принимать у себя бездомных еврейских беженцев. Несмотря на то, что все евреи из оккупированных немцами стран были обречены на уничтожение, лишь немногие государства открывали двери еврейским семьям, да и то квота была чрезвычайно низка; зачастую дело ограничивалось только приемом детей.

В России просьба о выездной визе была связана с риском попасть в Сибирь. Но просьба о безадресной визе была равносильна самоубийству. Еврейские лидеры перебирали в уме десятки стран. Уж о ком-о ком, а о Японии, союзнице Германии, думали они меньше

Подробнее об этом см. Ишайя (29:14) с комментарием Мецудат Давид, который показывает, что данная эпоха отличается от любой другой со времени возникновения еврейского народа всего. Между тем за двадцать лет, прошедших между двумя мировыми войнами, у Японии и Литвы возникли взаимные интересы. Обе они граничили с гигантским коммунистическим монстром, обеим грозило советское вторжение. Кроме того, Литва и Япония были экономически заинтересованы друг в друге: первая нуждалась в японских промышленных товарах, а вторая — в литовской сельскохозяйственной продукции. Однако, несмотря на все это, за двадцать один год Япония ни разу не выразила желания наладить консульскую связь с Литвой.

Такая позиция, по всей вероятности, была серьезным упущением японской внешней политики. Но то, что произошло вслед за тем, просто невозможно было предположить.

В 1940 году, после оккупации Литвы Красной Армией, японское имперское правительство выступило с предложением, поразившим весь мир. В то время, когда Литва почти прекратила свое независимое существование, Великобритания, Франция и другие державы закрывали свои консульства и представительства в Ковно, Япония, напротив, решила послать дипломатов в эту покоренную страну!

Японский консул в Литве, Сенпо Сугихара, вписал новую страницу в этот рассказ, в какой-то степени даже расширив рамки правительственных предписаний. По собственной инициативе он стал проводить новую политику, отличную от устоявшегося курса японского руководства.

Как уже говорилось, в начале Второй мировой войны евреи находились в отчаянном положении. Они пытались спастись, но почти все страны от них отвернулись. Япония была в числе первых, кто захлопнул двери перед еврейскими беженцами. При этом она не только отказала в приеме евреям-эмигрантам, но также запретила им транзит через свою территорию. В дальнейшем Япония пошла еще дальше, препятствуя проезду евреев и по тем странам, которые находились под ее военным влиянием.

Правда, в Китае оставался свободным Шанхай. Это был международный порт, куда безо всяких ограничений приезжали путешественники со всего света. Однако едва поток еврейских беженцев увеличился, Япония отказала в выдаче транзитных виз в подвластную ей Манчжурию, через которую проходила Транссибирская магистраль, единственный путь из Европы в Шанхай. После того, как сухопутная дорога оказалась блокированной, евреям пришлось добираться до места назначения морем: вокруг Европы, через Суэцкий канал и Индийский океан.

И тем не менее несколько евреев обратились к новому японскому консулу в Ковно с просьбой, столь наивной в сложившихся обстоятельствах, — выдать им транзитные визы. Они надеялись,

что смогут отметить в своих отъездных документах Японию, как “место назначения”, а данная графа, надо подчеркнуть это еще раз, была очень важна для русских чиновников.

Вначале консул наотрез отказал в просьбе. Но увидев, что просителей становится все больше, решился выдать визы под свою личную ответственность. Однако и для получения транзитной визы необходимо было указать в паспорте конечное место назначения. Таким образом, все возвращалось на круги своя.

Голландский поданный Натан Гутвирт, один из учеников ешивы Тельш, надумал обратиться в консульство своей собственной страны, надеясь, что там ему заполнят эту пресловутую графу “место назначения”. Как предполагал Гутвирт, остров Кюрасао, голландская территория в Вест-Индии, должен был принять беженцев. Каково же было удивление студента, когда выяснилось, что для приезда на Кюрасао вообще не требуется никакой визы. Достаточно лишь по прибытии на остров получить разрешение местного губернатора.

Однако эта информация не удовлетворила представителей НКВД. Они потребовали, чтобы в паспорте стояла подтверждающая такую свободу отметка. После долгой волокиты голландский консул согласился делать в паспортах беженцев следующую запись: “Въезд на Кюрасао не требует визы”.

Таким образом совпали три удивительные вещи: действия голландского консула, поведение России, разрешившей эмигрировать “этим клерикалам”, и, наконец, Японии, давшей возможность двум тысячам евреев не только проехать по ее территориям, но и остановиться в самой стране.

Необъяснимо также еще одно звено этой цепи — невероятное обстоятельство, обнаруженное спустя годы доктором Давидом Кранцлером. Из беседы с Дж. Цвартендейком, сыном того самого голландского консула, доктор Кранцлер выяснил, что консул в ту пору только что вступил на эту должность. Его предшественник получил отставку, т. к. дал повод подозревать себя в симпатиях к нацизму. Значение таких мелких деталей едва ли можно переоценить. Снова произошло непредвиденное: основы политических курсов двух великих держав отошли на задний план, чтобы спасти группу евреев, посвятивших себя служению Торе.

Для провинциалов из Восточной Европы, которые вели тихую жизнь, далекую от большого бизнеса и политики, такие названия, как Китай, Япония, Кюрасао, были всего лишь строками из учебника географии. И решение этих людей отправиться в столь дальнее путешествие в незнакомые страны лишний раз свидетельствует об их отчаянном положении.

Прослышав о возможности попасть на Кюрасао, люди кинулись к голландскому и японскому консульствам. Очередь занимали задолго до открытия обоих учреждений, обычно еще с ночи.

Поразительным было отношение к евреям японского консула. Сенно Сугихару предупредили, что его действия означают неповиновение, так как полностью противоречат политике японского правительства. Но Су-гихара не испугался и продолжал свою гуманитарную миссию, оправдываясь тем, что не может отказать беззащитным беженцам, пытающимся избежать гибели. Он внушал своим сотрудникам, что необходимо продолжать выдачу виз, иначе “ни один из этих людей уже никогда не сможет выехать из России, как никто не мог сделать этого прежде”.

— Так поддержим же их в безвыходной ситуации, — прибавлял японский дипломат.

Когда большая часть беженцев уже обладала спасительными транзитными визами и разрешением от русских властей, из японского министерства иностранных дел пришел приказ немедленно прекратить дальнейшую выдачу документов. Консул получил предупреждение за самовольные действия, и вскоре после этого японское консульство в Ковно закрылось. Сугихару понизили в должности и перевели на работу в японское консульство в Берлине, а затем в Бухаресте.

В истории с японскими визами можно только поражаться совпадению многих, на первый взгляд, мелких деталей, которыми Святое Провидение вымостило путь спасения ешиботников. Это избавление произошло наперекор всем обстоятельствам и устоявшимся политическим доктринам.

Остается только удивляться, каким образом отдельным эпизодам удавалось складываться в четкую мозаику, указывавшую направление дальнейших действий.

Чем, как не Святым Провидением, можно объяснить такой факт: все контакты с японским консулом проводились через его секретаря, немца по национальности, Вольфганга Гутше, который свободно владел литовским, русским, английским и немецким языками и был ярким сторонником фюрера. Некоторые даже предполагали, будто Гутше подослан немецкой секретной службой. (После закрытия японского консульства герр Гутше был “репатриирован” в Германию и призван в ряды недоброй памяти штурмовых отрядов — СА).

Гутше, в обязанности которого входило подробно информировать Сугихару о деталях политической обстановки, несомненно мог легко прекратить выдачу евреям спасительных транзитных виз. Однако этот фашист доверительно сообщил “дипломатическому представителю” ешивы Моше Зупнику, что удовлетворит все просьбы о выдаче виз, ибо “когда-то у него была возлюбленная еврейка, и вообще они расходятся с фюрером во взглядах на евреев и еврейский вопрос!” Как бы там ни было, а Гутше не только помог раву Зупнику встретиться с Сугихарой, но даже освободил в здании консульства стол, чтобы рабби имел возможность лично помогать в оформлении гигантского количества бумаг. Беженцы прозвали человеколюбивого японского консула ангелом-спасителем, посланником Небес. И дабы еще раз подтвердить его высокую репутацию, надо добавить, что в отличие от своих коллег и других влиятельных мира сего, Сугихара так и не получил за свои достойные подражания гуманные действия никакого вознаграждения. Лишь в 1985 году этот храбрый и добрый человек дождался официального признания: на торжественной церемонии в Яд Вашем ему была вручена памятная медаль. Однако сам Сугихара был уже слишком немощен для дальних путешествий, и награду от его имени приняла жена Юоко Сугихара.

...Стремясь спастись, и другие беженцы последовали за ешивой. Так число евреев, покинувших Россию в те дни, достигло двух тысяч человек.

Гл. 12-13: Обстоятельства вынуждают

Только Святое Провидение могло указать столь простой и легкий путь к спасению. Тем не менее многие отказывались от японских виз. Люди не верили, будто такая дешевая вещь способна помочь избавлению

12. За два лита

Курс доллара по отношению к литу, национальной литовской валюте той поры, составлял 1:5. Купить визу и спастись можно было всего за 2 лита. Именно такую цену установило японское консульство за транзитную визу. Только Святое Провидение могло указать столь простой и легкий путь к спасению.

Тем не менее многие отказывались от японских виз. Люди не верили, будто такая дешевая вещь способна помочь избавлению, ведь в других дипломатических представительствах за аналогичный документ требовали несколько тысяч долларов. Уж слишком просто и дешево можно было достать эту японскую визу, чтобы поверить в ее действенность.

И все же большинство польско-литовских ешив и многие другие еврейские беженцы спаслись от нацистов. Произошло это благодаря проведенным коммунистами примерно за неделю до немецкого вторжения в Россию ...массовым арестам “ненадежных элементов”. На сей раз в Сибирь повезли тех самых евреев, которые отказались воспользоваться добротой японского консула и ехать на Кюрасао. Их путь к спасению прошел через невероятные страдания и издевательства в Сибири.

13. Обстоятельства вынуждают

В японской визе было ясно сказано: “транзит по Японии”. Но до конечного пункта путешествия ни один из уехавших так и не добрался. Виза в Кюрасао была по сути фикцией, на которую пришлось пойти в сложившейся критической ситуации. Обстоятельства вынуждали иные бумаги даже подделывать, а чтобы на это не обращали внимания — надо было платить.

Немало евреев, упустивших время для оформления своих выездных документов или не успевших получить транзитные визы в связи с закрытием японского консульства, решило попытать счастья в подлоге. Дело было крайне рискованное хотя бы уже потому, что “художники” имели весьма туманное представление о принципах написания японских иероглифов. Малейшее изменение угла между двумя линиями могло изменить слово, а не то даже целую фразу. Однако вскоре фальшивые паспорта с печатями на них стали выглядеть совсем как настоящие. А сами беженцы научились отличать подделки от подлинных документов по мельчайшим приметам, чего не скажешь о японцах. К примеру, на истинной японской печати у хризантемы было больше лепестков (шестнадцать), чем на самоделке. Но как ни странно, сами японцы этого ни разу не заметили, хотя и так и сяк подолгу рассматривали все документы у каждого еврея.

Гл. 14: Гадание по руке.

20 марта 2006 года, из цикла «Спасение Торы из огня Катастрофы», темы: Гадание, Йехезкель Ляйтнер

Гадание по руке не нарушает религиозных запретов на предсказание будущего, так как является серьезным делом, основанным на правилах и опыте, которые были проверены посвященными неоднократно

Долгий путь к свободе, пролежавший через многие страны, был полон самых необычных приключений. На общий ход событий они не оказали заметного влияния, но, тем не менее, о некоторых стоит рассказать.

Любой день в оккупированной русскими Восточной Европе изобилует множеством опасностей: арест, внутренняя депортация и прочие напасти грозили человеку на каждом шагу. Риск был во всем — иметь деньги, ценности, свое мнение, друзей и знакомых... Отвлечься от тяжелых мыслей можно было только на чем-то из ряда вон выходящем. И такой случай представился.

Один молодой варшавянин нашел пристанище в маленькой ешиве в Вильно. Здесь он занялся гаданием по руке, предсказывая людям их будущее* (Гадание по руке не нарушает религиозных запретов на предсказание будущего, так как является серьезным делом, основанным на правилах и опыте, которые были проверены посвященными неоднократно). Это умение в семье много поколений передавалось от отца к сыну. Немало людей отказывалось слушать юного прорицателя. Небо скрыло будущее под покровом неведомого, и людям казалось, что лучше не пытаться проникнуть за этот покров. Однако юноша был настолько уверен в собственных способностях, что запрашивал с человека плату в виде процентов от прибыли с будущего предприятия, которому он пророчил несомненный успех. Вскоре совета молодого предсказателя стали искать не только в деловых кругах; он, к примеру, удачно подбирал супружеские пары.

По советским законам выездная виза выдавалась на семью. Беженцы ухватились за эту возможность. Советский закон заставил их, как и остальное население захваченных прибалтийских государств, принять советское гражданство, которое лишало права на эмиграцию. Используя возможности выездной визы, девушки искали подходящий случай выйти замуж за отъезжающего, ведь тогда их вписывали в заграничный паспорт к мужу. Но на пороге войны, когда завтрашний день не сулил никакой определенности, молодым людям было безразлично, к чему может привести фиктивный брак. Многие “молодожены” понимали, что соединившись

сперва лишь на страничке паспорта, они имеют все шансы стать в дальнейшем настоящими супругами.

Поскольку фиктивный брак зачастую заключали совершенно незнакомые или малознакомые люди, обе стороны действительно рисковали, и поэтому некоторые обращались к молодому прорицателю. И чем дальше, тем чаще, ибо все его предсказания сбывались в точности. По этому поводу к нему, в частности, обратился и один ученик ешивы. Прорицатель глянул на его ладонь и отпрянул в изумлении:

— Ты еще жив? — спросил он скорее себя, чем своего клиента. — Линия жизни так коротка!

Спустя полтора года, уже в Шанхае, этот юноша одновременно со многими другими слег от эпидемии тифа. Все поправились, кроме него. Он умер двадцати одного года от роду.

Другой ученик ешивы, ставший ныне в Америке выдающимся талиид-хахамом, услышал от прорицателя следующее:

— Не ввязывайтесь в это дело. Через год-два вы женитесь на девушке, инициалы которой... И тот женился в Шанхае, и инициалы невесты в точности совпали с названными.

Еще одному ешиботнику, позже ставшему хорошо известным наставником в одной из американских сшив, были названы еще более подробные детали: что женится он только через несколько лет и будет у него три сына. Когда впоследствии у него родились уже и вправду трое сыновей и жена готовилась родить еще одного ребенка, счастливый отец рассказал друзьям о предсказании, заметив при этом, что оно оказалось неточным. Однако у жены случился выкидыш, и больше детей у них не было.

...Достоин ли зависти подобный дар? Ответ на этот вопрос таился в трагическом повороте судьбы, который мог исходить только от Святого Провидения.

Через несколько месяцев большинство беженцев достигло японского города Кобе; еще один поезд с эмигрантами, среди которых, кстати, было немало фиктивных жен, прибыл во Владивосток. Здесь, в последнем на их пути русском городе, всех прибывших разместили в гостинице... под домашним арестом: советские власти начали сомневаться в подлинности виз и адреса, по которому следовали беженцы.

Получив в Кобе закодированные, полные смятения телеграммы из Владивостока, все, кто мог, стали пытаться раздобыть для задержанных другие визы. Тут необходима была срочная денежная помощь. А пока в номерах владивостокской гостиницы Интурист царил тревога. Все арестованные опасались тюремного заключения и отправки в Сибирь.

В этой владивостокской группе беженцев находился и наш прорицатель. Он изо всех сил старался помочь людям. Переходя от одного к другому, он успокаивал каждого, уверяя, что все спасутся. Никому не говорил он только того, что прочитал по собственной руке: его-то как раз ждали арест и Сибирь. И лишь по ночам, во сне он кричал: — Отец! Отец! Спаси меня!

Бедный молодой человек был совершенно подавлен. Между тем его предсказание сбылось и на сей раз. Всем наконец было разрешено выехать в Японию, кроме прорицателя. Обвиненный в подделке документов, он был арестован и отправлен в лагерь.

Отказ одних обращаться к прорицателю за советом объяснялся уверенностью, что это нарушит беспрекословную веру в Святое Провидение, ибо будет противоречить словам Писания (Дварим 18:13), другие же утверждали: лучше “не открывать то, что Небо скрывает от человека”. Тяжелое испытание молодого ясновидца явилось тому трагической иллюстрацией.

Гл. 15: На крыльях орла.

Прямая линия Транссибирской магистрали символизировала очевидность спасения

Спасительный путь в Японию не имел и тени того трагизма, которым была пронизана борьба за спасение евреев, оставшихся в Европе. Чудесное избавление приверженцев Торы во всех потенциально гибельных ситуациях резко контрастировало с прямо противоположными проявлениями Святого Провидения, когда дело касалось прочих евреев. Причем зачастую и те и другие оказывались в одном и том же месте, но лишь для маленькой группы учащихся Тору все заканчивалось благополучно. В исторических центрах европейского еврейства всякий, кому только удалось спастись, прежде пережил бесконечное число опаснейших случаев. Но защитники Торы на всем пути своего спасения будто поднимались над Катастрофой. Прямая линия Транссибирской магистрали символизировала очевидность спасения. Этот поразительный контраст между судьбой одной маленькой группы и судьбой, уготованной Небом европейскому еврейству, — одно из самых необыкновенных явлений Второй мировой войны.

Рав Зелиг Ригер, даян из Бриска, охарактеризовал эту загадку как нечто, “находящееся вне нашего понимания и не доступное нашему интеллекту”.

В те годы в коммунистической России возможное путешествие по железной дороге была не правом, а привилегией. Все поездки по стране, включая и железнодорожные, допускались только при наличии особого разрешения. Проверка прямо в поездах удостоверения личности и разрешения на поездку были обычным делом. Без наличия этих двух документов нельзя было даже купить билет на поезд. Советские власти согласились предоставить вагоны для отправки беженцев, заминка вышла лишь со стоимостью билетов. Американский доллар служил в те дни маслом, смазывающим военную машину всего мира. Первым двадцати пяти эмигрантам удалось уехать за рубли, но политика советских властей переменялась очень быстро: сначала они стали требовать оплату в долларах за часть пути, а затем и за всю дорогу.

И в те времена коммунисты старались из каждого отъезжающего выкачать максимум денег. Это не могло не сказаться на росте напряженности в отношениях между беженцами — они постоянно находились под все усиливающимся давлением. Каждой следующей партии приходилось платить больше, чем предыдущей. А время подгоняло: если ты в срок не получишь нужной суммы долларов, то позже вынужден будешь платить еще больше и — неровен час — столкнешься с крушением вообще всяких надежд на спасение. Ночные кошмары мучили почти всех: удастся ли спастись? Неужели придется застрять здесь навсегда? В своих страхах и сомнениях иные дошли до нервных расстройств.

Между тем достаточно вспомнить как обесценился рубль на первом же этапе Второй мировой войны, чтобы представить себе, чего это стоило — достать доллары.

Гл. 16: Ортодоксальные евреи оскверняют шабат.

В те решающие дни многие с удивлением замечали, что почтенные раввины и религиозные лидеры открыто нарушают Шабат

Едва были установлены жесткие сроки действия выездных виз, как ешивы тут же послали в Америку телеграммы с призывами о помощи. Большинство обращений было адресовано рабби Аврааму Калмановичу, тому самому, которому после войны предстояло возглавить вновь открывшуюся ешиву Мир. Да будет благословенна память об этом человеке!..

Живший в Нью-Йорке рабби Калманович вместе с ортодоксальными и нерелигиозными еврейскими лидерами создал организацию спасения — Ваад Ацала, которая оповестила всех американских евреев о событиях в Восточной Европе и обратилась к ним за поддержкой. Раввины и люди, совершенно не связанные с религией, преподаватели и студенты развернули самоотверженную неустанную борьбу, чтобы выволить из беды своих братьев. Они не только собирали деньги, но также обращались с ходатайствами и планами спасения европейских евреев к руководителям США и других стран свободного мира.

Императив спасения человеческих жизней пронизывает почти все заповеди Еврейского Закона. В те решающие дни многие с удивлением замечали, что почтенные раввины и религиозные лидеры открыто нарушают Шабат. Чтобы максимально использовать время и обстоятельства, соблюдающие Тору евреи ездили в святой день, мобилизуя все возможные источники Спасения. Все было направлено на одно — не упустить ни минуты в столь благородном деле. Работа кипела день и ночь. Ваад Ацала действовал во всех возможных направлениях. Позже, когда война охватила почти все государства, эта организация, благодаря своей широкомасштабной активности, стала известной во всем мире.

Гл. 17: У московских друзей.

Ученики ешивы в предвоенной Москве.

В ходе репрессий 30-х годов Иосиф Сталин с помощью наводящей ужас секретной полиции (ОГПУ, а затем НКВД) ликвидировал бесчисленное множество своих истинных и мнимых врагов во всех слоях общества. Последние связи русского еврейства с родственниками в других странах были прерваны, поскольку любое письмо из-за границы обрекало получателя на смертельную опасность. Неудивительно поэтому, что перед отъездом беженцев, путь которых лежал из конца в конец громадной страны, литовские евреи просили передать своим родным письма, а если будет возможность, то и навестить их.

Эти встречи пролили свет на многие трагические судьбы русских евреев. Общаться на улицах Москвы было нельзя. Вездесущие агенты НКВД могли распознать иностранца по одежде чужого покроя, которая резко отличалась от однообразной российской продукции массового производства. Любой советский гражданин, проведя хоть несколько минут с иностранцем, знал, что за этим неминуемо последуют подозрение и слежка. Иностранец, в свою очередь, тоже вынужден был остерегаться, потому что секретная полиция нередко пыталась заманить приезжих в свои ловушки. Тот, кто привозил из-за границы весточку от родственников, должен был разыскать адресата и повидаться с ним скрытно, не привлекая постороннего внимания.

Сделать это удобней всего было прямо на квартире. Однако тут существовало еще одно препятствие: большинство квартир в России были коммунальными, то есть в них проживало сразу несколько семей. Дома и квартиры в СССР наряду со всем остальным, как было провозглашено, принадлежали народу. На практике это выглядело так: человеку или семье полагалось не отдельное жилье, а лишь некоторая, причем весьма скудная, часть квартиры, а потому жить приходилось вместе с совершенно чужими людьми. Невозможность уединиться была не только жестока в бытовом отношении, но и попросту опасна — люди следили друг за другом на благо государства.

Как бы там ни было, один из бежавших с ешивой сумел отыскать в Москве дом сестры своего знакомого литовского еврея. У двери квартиры его встретили сразу несколько человек. Удивленная и напуганная сестра даже не пригласила гостя войти. Она была еще нестарой, но седина в волосах и морщины на лице ясно говорили о перенесенных ею мытарствах. Впрочем, женщина попросила посетителя зайти в девять вечера.

Короткий вечерний разговор многое объяснил гостю. Бедная женщина выбрала столь поздний час для встречи потому, что в это время ее единственный сын должен был уйти на комсомольское собрание. Она потеряла уже одного за другим немало родных: вначале выслали свекра — за то, что он раввин, затем выслали свекровь — за то, что она жена раввина, и теперь оба сидели в разных лагерях; еще позднее арестовали мужа — как сына раввина.

— Я поседела от этих нескончаемых мук, — рассказывала несчастная. — Все, что у меня осталось, — сын. Но они сделали его моим заклятым врагом, заставили его поверить, будто родители —

паразиты, враги общества. Мой мальчик считает благороднейшим занятием следить за собственной матерью и постоянно докладывать куда следует о каждом моем шаге, о каждом слове.

Гл. 18: В поезде через всю страну.

Всем, кто знаком с жуткими фактами существования в условиях сталинского режима, трудно представить себе, как двум тысячам знатоков Торы удалось пересечь эти страшные сибирские края.

Для двухсот тысяч евреев из оккупированных русскими районов Польши поездка по Транссибирской магистрали оказалась роковой: она привела их в разбросанные по всей Сибири лагеря. Эта акция является одной из величайших трагедий в истории еврейства. В непроходимых лесах и бескрайних снежных пустынях заключенные работали при 50-градусном морозе и на ледяном ветру, жили в нечеловеческих условиях. В то же время другие, вывезенные в жаркие степи Казахстана, страдали от жестокой нищеты и болезней. Смертность среди этого контингента заключенных была очень высокой.

Всем, кто знаком с жуткими фактами существования в условиях сталинского режима, трудно представить себе, как двум тысячам знатоков Торы удалось пересечь эти страшные сибирские края. Ехали они той же дорогой, но не как рабы, а как путешественники, с которыми обращались, словно с туристами или иностранными гостями. Эти две тысячи беженцев пересекли Сибирь со всеми удобствами “в русском стиле”: вместо мягких сидений, по обе стороны купе шли простые деревянные скамьи. В пути местные “экскурсоводы” расхваливали города Свердловск, Челябинск, Иркутск, Новосибирск и прочие центры ссылок, называя их “чудесами русской технологической мысли и промышленного развития”.

В той же степени, в какой эти высокие эпитеты отличались от реальной действительности, ничего общего не имело между собой поведение беженцев и остальных пассажиров поезда. Как вспоминал впоследствии один иностранец из Западной Европы, он, проведя с ешиботниками в одном поезде две недели, так и не смог понять, куда и зачем они едут.

— Каждый день я не уставал удивляться их отношениям: все время ругаются, но — по-дружески. В споры и ссоры вовлекалось много людей, но все всегда кончалось миром. Разногласия вертелись вокруг огромных пухлых книг — в этих книгах заключалась причина конфликта, но в них же таился и примиряющий всех ответ.

Между тем “странные” пассажиры были увлечены решением многочисленных юридических, этических и религиозных задач, которые встали перед ними в ходе путешествия. Все новое надо было осознать в соответствии с положениями Торы.

Большинство алахических трудностей, обсуждаемых в поезде на протяжении двух недель, сводилось к проблеме соблюдения шабата. Вот одна из них: можно ли в шабат сбрасывать с поезда какие-либо предметы, к примеру, совершая туалет? Или: можно ли в шабат поднимать к стене верхние полки вагона? Среди участников этих дискуссий находились известные знатоки Еврейского Закона, а также главы ешив — такие знаменитые мудрецы, как рабби Реувен Грозовский, рабби Аарон Котлер, рабби Ехезкель Левенштейн, раби Хаим Шмулевич и многие другие светила.

Гл. 19: Снова голод на голодной земле.

Во время путешествия ешиботники пытались наладить контакты с еврейским населением в тех местах, где поезд делал остановки.

Во время путешествия ешиботники пытались наладить контакты с еврейским населением в тех местах, где поезд делал остановки, а также искали возможности встречи с еврейскими общинами. Такой случай представился когда поезд проезжал вдоль Амура, реки, текущей неподалеку от дальневосточной границы СССР. Здесь, якобы предоставив евреям равные права с другими национальными меньшинствами, советское правительство выделило территорию для образования Еврейской автономной области. Поначалу в области поселились тысячи евреев и занялись осушением и возделыванием нетронутых земель.

Однако очень быстро выяснилось, что все обещания правительства по поводу автономии — ложь, мастерски задуманная, чтобы заманить евреев в пустынные районы страны и укрепить за их счет дальние границы на случай военных столкновений с восточными соседями, в особенности с Японией. Вскоре евреи стали пытаться убежать из этих мест. Борьба с суровой природой края превратилась для них в сплошные муки.

В четком соответствии с указаниями контролируемого советским правительством туристического ведомства путешественников старались оградить от общения с населением Биробиджана. Правда об Еврейской автономной области не должна была стать достоянием мировой общественности. Интурист навязывал гостям гидов и сопровождающих лиц, которые вели настойчивую пропаганду социализма и не допускали общения, тем более разговоров на нежелательные темы о советской жизни с любыми представителями местного населения. Эти люди следили за каждым шагом зарубежных путешественников. Но позади уже были почти две недели долгой поездки, за это время гиды не могли не подружиться с беженцами, и уж, конечно, принимали от них маленькие подарки. В доверительных беседах гиды признавались, что не имеют права показывать гостям то, что видеть им не полагается, и за это отвечают головой. Маршруты всех экскурсий включали в себя только те достопримечательности, которые отвечали целям советской пропаганды. — Уметь показать исключительно такие места, — объясняли они, — отличительная черта опытного экскурсовода-пропагандиста.

Гиды заявили, что в Биробиджане выход на вокзал будет запрещен, потому что стоянка очень короткая и можно отстать от поезда. Но увидеть своими глазами биробиджанских евреев было слишком большим соблазном. Некоторые, не взирая на предупреждения, все же вышли из вагонов. На платформе местное население встретило этот поезд, как и все остальные, — просьбами дать что-нибудь съестное. После первого же состава с беженцами молва об иностранцах вмиг разлетелась повсюду, и к приходу следующих поездов на платформе собиралось все больше людей.

Голод, с которым столкнулись путешественники в Биробиджане, отличался от голода, царившего в других сибирских городах. Там одетые в лохмотья, истощенные дети, взрослые просили у туристов еду и одежду, пока их не разгоняла милиция. Проезжающим говорили, что это цыгане и прочие сомнительные элементы, бросившие честный труд и предпочитающие вести паразитический образ жизни “за счет людской доброты”. Но здесь, в Биробиджане, путешественники столкнулись с иной нищетой — не физическими, а духовными страданиями. Едва биробиджанские евреи узнавали в пассажирах своих, как тут же осаждали их просьбами о “жизненно необходимых товарах” — талитах, молитвенниках, еврейских календарях и Пятикнижии. Местные евреи даже не просили, а настойчиво требовали своего. Они доказывали беженцам, что те смогут все это купить, когда выедут из Союза, тогда как у них тут, “дома”, нет и никогда не будет никакой возможности достать книги, так необходимые еврею. И отказать в этих мольбах, исходящих из самого сердца, было невозможно. Трудно было беженцам подавить в себе

желание увидеть своих братьев в этом далеком краю, посмотреть на их жизнь, помочь им не только книгами. Хотя гостей неоднократно просили не покидать пределов хотя бы вокзала, среди путешественников нашлось несколько смельчаков, попытавшихся сделать вылазки в город. Однако в конце концов все они были задержаны. Иначе и быть не могло: хорошо организованная слежка и разница в одежде не оставляли приезжим никаких шансов. Раньше или позже непокорного путешественника останавливали, допрашивали и арестовывали.

При тоталитарном советском режиме человек не имел гражданских прав. Ходить по улицам, путешествовать и работать — вот все привилегии, дарованные государством своим жителям. Находясь на положении туристов, ушедшие в город подверглись только небольшой проработке, их не посадили в тюрьму, а всего лишь поместили под домашний арест в гостинице. Но в первую минуту, оглядев кривые деревянные стены, кое-где покрытые рваными выцветшими обоями, беженцы решили, что они все-таки в тюрьме. Лишь позднее они убедились, что их камера на самом деле не что иное, как гостиничный номер в единственном на весь город отеле. Такой была жизнь в Биробиджане, столице Еврейской автономной области.

Тем нескольким нарушителям порядка повезло. Власти милостиво обошлись с ними, как с иностранными туристами, потерявшимися во время поездки. После допроса их посадили на самолет, который должен был догнать поезд на следующей станции в Хабаровске. Но вывод для себя советские власти сделали больше поезда с беженцами вообще не останавливалась в Биробиджане.

Артисты в СССР составляли привилегированное сословие, которое заботливо лелеял коммунистический режим, входили и артисты. Ведь их талант, их работа — могучий инструмент для восхваления достижений сталинской социалистической модели. Артистам щедро платили, их считали одними из самых богатых людей в СССР. Однако реализовать это богатство не было возможности, поскольку, при “передовом” сталинском правлении никакого выбора товаров попросту не было. Достаточно было зайти в огромный центральный владивостокский универмаг, чтобы убедиться в скудости ассортимента изделий на прилавках. Выбирать было не из чего. Например, если предлагались нитки, не было иголок, или — наоборот. Также обстояли дела со всеми товарами, что было типичным для советской системы, лишившей человека стимулов к предпринимательству. В результате деньги в России потеряли почти всякое значение.

Не удивительно, что кинозвезды, так горячо любимые режимом, готовы были заплатить иностранцам огромные деньги, только бы купить у них даже сильно подержанные вещи. Они платили сто пятьдесят долларов за дешевые мужские наручные часы. За восьмидолларовую пару туфель предлагали сто долларов и еще благодарили в придачу! А ведь доллар в 1941 году ценился очень высоко.

Такая торговля давала возможность непринужденно поговорить о жизни в Советском Союзе в сравнении с западной. Это может, однако, показаться странным, но описание благоприятных экономических и социальных условий, цены и зарплата, доступность дорогих вещей для рядового человека — все эти приметы Запада не производили на артистов никакого впечатления. Жизнь в СССР давно приучила их к тому, что мы бы определили как бытовые трудности.

Беженцы обратили внимание на еще один впечатляющий факт: неверие и удивление в глазах людей, видящих, что такие же, как они, покидают Россию — империю, из которой никто не мог убежать. Слова “уезжаем из России” звучали для местных волшебной сказкой.

Сходивший на одной из станций советский полковник вдруг бросил:

— Сколько еще свободный мир будет молчаливо взирать на порабощение двухсот миллионов? — и тут же быстро скрылся в толпе.

...Эта группа еврейских беженцев, пересекая сибирские просторы, получила драгоценнейшую возможность, дарованную когда-либо Советами, — начать новую жизнь в ином мире, снова дышать сладостным воздухом свободы.

Гл. 20-21: Владивосток.

Ешива "Мир" добралась до Владивостока.

Главным городом на Дальнем Востоке России был Владивосток, конечная станция Транссибирской железной дороги, порт на берегу Японского моря. Находясь здесь, беженцы очень хотели поближе сойтись с советскими людьми. Но снова это было трудно сделать из-за вездесущей секретной полиции, а также нежелания самих людей общаться с явными, судя по одежде, иностранцами. Лишь случайные реплики незнакомых людей помогли приезжим понять всю напряженность в отношениях между здешними жителями.

Единственный контакт с русскими — общение с обитателями интуристовской гостиницы. Однако выяснилось, что большинство советских путешественников принадлежит к местной элите, то есть к тем, кто имеет редкое право на дальние поездки.

Стояние в очередях за хлебом для них было обыденным делом. Они были так пропитаны советским образом жизни, что рассказы о западном мире воспринимали как нечто ирреальное, как сказку, где золото сыплется с неба дождем. Такая жизнь была для них скорей исключением, чем правилом, а потому они даже не пытались примерить ее на себя.

Владивосток — ворота России в Тихий океан. Однако перед Второй мировой войной между Советским Союзом и Японией морского сообщения практически не было. Все устремления японцев были направлены на экспансионистскую войну с Китаем. Лишь маленький пароходик Амакуза Мару водоизмещением две с половиной тысячи тонн раз в неделю отправлялся из Владивостока в Цуругу, небольшой японский рыболовецкий порт на острове Хонсю, а затем плыл обратно. Для одного из самых бурных в мире морей это суденышко было явно маловато. Но для перевозки небольшого числа эмигрантов из СССР его вполне хватало.

После того, как во Владивосток начали постоянно прибывать поезда с беженцами, Амакуза Мару внезапно превратился в важнейшее средство спасения, без которого и дня нельзя обойтись. Сотни и сотни еврейских женщин, детей, мужчин заполняли пароходик, рискуя в бурном море собственной жизнью. Кают на всех, конечно, не хватало, и большинство вынуждено было размещаться прямо на палубе.

Неспокойное море кидало суденышко как мячик. Волны высотой с дом обрушивались на него всей своей могучей тяжестью. Временами так качало, что невозможно было устоять на ногах. К тому же пассажиров набивалось, как селедок в бочке, а это в корне противоречило правилам безопасности. При жесточайшем штормовом ветре шлюпки невозможно было спустить на воду. Что же касается спасательных жилетов, то их тоже было мало, да и вряд ли они бы выручили в критической ситуации.

В первую ночь в открытом море автор этих строк заметил, что капитан и члены команды пересчитывают пассажиров. Оказалось, они делают это, чтобы прикинуть на сколько женщин и детей хватит шлюпок и на сколько мужчин — спасательных жилетов. От морской болезни страдали почти все пассажиры.

Едва судно входило в порт Цуруга все мужчины с необыкновенным воодушевлением принимались воздавать благодарственную хвалу Всевышнему, даровавшему им благополучный исход в опасном плавании. Люди радовались, что вышли живыми из этой переделки. Но все чудо спасения беженцы осознали позднее, уже прибыв на место, которое стало их новым домом.

Во время одного из более поздних плаваний — уже без еврейских эмигрантов — это судно затонуло. Не раз перегруженное беженцами сверх всяких мыслимых пределов выбиралось оно из самых страшных волн, а тут пошло ко дну, имея на борту всего несколько пассажиров.

Когда последний раз Амакуза Мару с беженцами из России достиг японских берегов, он выполнил свою миссию Б-жественного спасения и тем самым вошел в историю. Свершилось еще одно чудо на пути спасения Торы и ее служителей.

Это ужасное испытание на одном из самых беспокойных в мире морей многих заставило по-новому взглянуть на чудо спасения, начавшегося спокойной поездкой по железной дороге. Жребий Виленского Гаона — “...Я носил вас на орлиных крыльях, и принес вас к Себе” (Шмот 19:4), — который подвиг многих осторожных на опасное путешествие, вспоминая теперь почти при каждом разговоре.

Гл. 22: Японское гостеприимство.

Япония проявила к беженцам огромное участие и добросердечие, и это несмотря на соглашение с нацистской Германией о разжигании антисемитизма.

Радужие, с которым японцы встретили еврейских эмигрантов, подтверждало не только национальную политику империи в этом вопросе, но и свидетельствовало о глубине сострадания. Япония проявила к беженцам огромное участие и добросердечие, и это несмотря на соглашение с нацистской Германией о разжигании антисемитизма.

В течение всех девяти месяцев пребывания в Японии евреи имели здесь надежное убежище от нацистских преследований вопреки постоянному давлению Германии. Возможно, антисемитский стереотип был попросту неведом японцам. В Токио на стене одного из крупнейших универмагов висело громадное изображение “ненавистного еврея”, скопированное из позорно известного немецкого журнала Штюрмер. “Портрет” закрывал весь фасад здания от третьего до десятого этажа, но японцам, которые никогда в жизни не встречали ни одного еврея, его назначение было явно непонятно. Даже те из них, кто когда-либо сталкивался с евреями, не могли совместить живого человека и карикатуру на стене, изображающую “источник всех зол в мире”. Многим японцам еврей на стене напоминал индийских сикхов, которых вследствие британской колониальной политики можно было встретить на Дальнем Востоке повсюду.

Примечательно, что японское гостеприимство продолжилось и на официальном уровне: власти не ставили никаких препон в продлении транзитных виз, хотя всем было известно, что губернатор Кюрасао уже оспорил правомочность этих документов, и, таким образом, транзитные визы стали въездными.

Эмигранты восприняли все это как новое проявление Б-жественной защиты. В Кобе с помощью местной общины русских и сефардских евреев, а также при поддержке из Америки беженцы основали для своих занятий Дом Торы. Так Кобе сделался для всех вновь прибывающих евреев центром жизни на новой земле.

Находясь в Японии, часть прибывших евреев, среди которых не было учащих ешивы, пыталась достать визу в какую-нибудь другую страну или документы для отъезда в Палестину. Многим это удалось, в том числе д-ру Зераху Вархафтигу, одному из главных активистов борьбы за освобождение евреев из СССР, который впоследствии стал в Израиле министром религий.

Как иначе, если не защитой Всевышнего, можно объяснить странные действия имперского государственного секретаря Японии Юсуке Мацуоки? Будучи одним из авторов тройственного договора Рим-Берлин-Токио, именно он помог беженцам продлить пребывание в Японии сверх тех двух недель, что были указаны в их сомнительных визах. Именно Мацуока своими осторожными рекомендациями полицейской префектуре в Кобе и с молчаливого согласия правительства способствовал тому, что транзитные визы превратились в въездные.

Однако беженцы понимали, что в случае вступления Японии в войну на стороне государств оси, для них возникнет в этой стране прямая угроза, ведь тогда отношение японского правительства к правительствам тех стран, откуда прибыли евреи, резко изменится. И все же, несмотря на тучи,

сгущающиеся на политическом горизонте, талмудисты были уверены, что Святое Провидение не оставит их и в дальнейшем.

В конце концов японским властям надоело возиться с беженцами, имеющими транзитные визы, по которым некуда ехать дальше. За три месяца до Перл-Харбора японцы депортировали евреев в оккупированный Китай и бросили в нейтральном Шанхае. В ешиве и на сей раз восприняли новый поворот в своей судьбе как действие Провидения, ведь всех оставшихся в Японии иностранцев после Перл-Харбора согнали в лагерь для интернированных.

Переезд в Китай был выгоден еще по той причине, что свел на нет споры о порядке празднования на Японских островах шабата и Йом Кипура. Проблема возникла в связи с алахическим определением расположения линии перемены дат. Часть раввинов утверждала, что эта линия совпадает с географической долготой, на которой зародился первый день после Сотворения Мира, в то время как к востоку еще пребывала тьма. Однако некоторые авторитеты в вопросах алахи считали, что линия отсчета времени не совпадает с географической долготой. А тогда в районе этой спорной линии необходимо соблюдать шабат не день, а два.

Таким образом, мнения о том, где находятся Японские острова — к западу или к востоку от линии перемены дат — разделились; следовательно, разделились мнения и о том, как определить на Японских островах время наступления шабата. Эти алахические дискуссии в итоге привели к тому, что многие беженцы стали праздновать начало шабата в разное время. Когда одна группа читала кидуш, приветствуя шабат, другая — уже совершала авдалу, провожая уходящую Субботу. Эти расхождения перешли в раздел чистой теории, когда всех депортировали в Китай, на евроазиатский континент. Переезд оказался как нельзя кстати: уже приближалось начало поста Йом Кипур, и точный его час на островах определить было бы опять-таки невозможно.

И все-таки небольшая группа беженцев осталась в Японии до самого начала Йом Кипура. К единому мнению им прийти так и не удалось: одни постились два дня подряд, другие же — сперва один день и спустя некоторое время — согласно алахическим предписаниям специально для таких случаев — еще один день.

Гл. 23: Идолы и идолопоклонство.

В восприятии беженцев жизнь японцев предстала странной смесью древних обычаев, поверий и мировоззрения, основанного на данных современной науки.

В восприятии беженцев жизнь японцев предстала странной смесью древних обычаев, поверий и мировоззрения, основанного на данных современной науки. Для представителей западной культуры идолопоклонство — явление, связанное с давно минувшими временами, неизвестное в конкретных деталях тем, кто не изучал Танах, Талмуд или древнюю историю. В Японии же, к удивлению евреев, эти древние обычаи до сих пор были широко распространены. Большая часть японцев исповедовала буддизм и синтоизм, поклоняясь почти 168 тысячам идолов. Знатоки Торы, изучавшие до сих пор это явление только по книгам, впервые столкнулись с живым проявлением язычества. Евреи с изумлением наблюдали, как обычные овцы паслись в храмовых садах, почитались всеми жителями и выступали в роли пресловутой “священной коровы”.

Странно было видеть, как, например, пожилая крестьянская чета поклонялась статуе толстого идола. Седовласый крестьянин и его престарелая жена выставили перед идиолом поднос, полный фруктов и злаков, прочитали молитву и ушли. Как только стемнело, в саду, где стояла статуя, появились таинственные фигуры. Они подошли к идолу сзади и, немного помедлив, принялись хватать с подноса еду, тут же отправляя ее себе в рот. То были облаченные в черное молодцы японские священнослужители. На следующее утро евреи стали свидетелями трогательной сцены: пожилая пара пришла в сад и двинулась к идолу, не сводя глаз с подноса. Поднос был пуст, и счастье стариков было безмерно. Они обняли друг друга, поздравляя с удачей — ведь идол

смилоствовал над ними и принял их приношения. Это была сцена из древней истории. ожившая иллюстрация юности человечества.

Гл. 24: Японцы и десять утерянных колен

Японцы хранят легенду о том, что часть их народа является потомками пропавших некогда израильских колен.

Японцы хранят легенду о том, что часть их народа является потомками пропавших некогда израильских колен. В доказательство они приводят такие факты: одно из мест в Японии называется по-еврейски — Иосеф, другое - Гошен; есть, будто бы, и другие мелкие сходства с древним иудаизмом.

Вероятно, именно поэтому отношение японцев к еврейским эмигрантам отличалось такой теплотой и вниманием. Секретарь японского министра иностранных дел профессор Сецусо Коцужи оказал евреям значительную помощь в контактах с официальными кругами. В чужой стране, в незнакомой обстановке, среди людей, чьи взгляды чужды и непонятны представителям западной культуры, такая помощь была просто-таки жизненно необходимой.

Дружеское отношение профессора Коцужи к приезжим проявилось с новой силой, когда профессор принял иудаизм, соединив свою судьбу с еврейским народом. Он взял себе имя Авраам Коцужи и переехал в Бруклин, Нью-Йорк, в самую большую еврейскую общину мира. Но, согласно его воле, похоронили профессора в вечном городе евреев — Иерусалиме. На похороны собралось множество бывших беженцев, был среди них также доктор Зерах Вархафтиг, в то время министр религий Израиля. В многолюдной похоронной процессии, конечно же, находились раввины и ученики иерусалимской ешивы Мир.

Гл. 25: Бегство в Шанхай.

Йешива "Мир" перебирается в Шанхай.

Девятимесячное японское гостеприимство неожиданно оборвалось в последние дни тайной подготовки к нападению на Перл-Харбор. Как и следовало ожидать, группа беженцев из стран, находящихся в состоянии войны с Германией, Италией и их союзниками, оказалась нежелательной для Японии, а потому решение о ее высылке в Китай было вполне естественным. Открытый город Шанхай был действительно свободным, его порт принимал всех бездомных и высланных, не делая исключений даже для отбросов общества и преступников со всего света. Кто бы ни стучался в ворота этого города, получал здесь пристанище. Могла ли в такой лишенной любых запретов атмосфере пустить корни и прославить идеалы Торы ешива, община приверженцев закона, регулирующего все аспекты жизни? Могли ли эти чудом спасшиеся евреи сохранить свой образ жизни в подобной обстановке? Неужели верность этих людей принципам Торы была обречена на угасание в изолированном уголке планеты, окруженном экзотическими цивилизациями и культурами? В ответе не приходится сомневаться. Чудесное избавление от ужасов Катастрофы и успешное преодоление множества преград на пути из Европы в Азию стало возможным исключительно благодаря приверженности знатоков Торы еврейским идеалам.

Чтобы оценить необычные масштабы столь грандиозной одиссеи, надо привести следующий пример. За год до описываемых событий автор этих строк поинтересовался у духовного лидера ешивы Мир рабби Ехезкеля Левенштейна, не стоит ли ему в одиночку искать убежища в Шанхае. Рав категорически отверг такой выбор. Шанхай, объяснил он, противопоказан евреям, ибо там на пути приверженца Торы, живущего особой жизнью, неминуемо встанут бесчисленные трудности. Но вот не прошло и года, и стражи Торы очутились именно в том самом Шанхае!

Конечно, было о чем беспокоиться: как и где найти подходящее жилье? Как поддерживать религиозную жизнь и занятия на уровне, достойном восточно-европейской ешивы? Где взять все необходимое для устройства сотен раввинов, их семей, а также учеников ешивы в этом и без того перенаселенном китайском трюйстве сотен раввинов, их семей, а также учеников ешивы в этом и без того перенаселенном китайском городе? Где, наконец, отыскать помещение для занятий, столы, стулья и необходимые книги?.. Казалось немыслимым разрешить столько проблем. Но невозможное снова стало возможным: едва беженцы прибыли в Шанхай, как все утряслось!

Ешива Мир разместилась в местной синагоге. Бейт Аарон или, как ее еще называли, — синагога на Музеум роуд имела непривычные архитектурные формы и находилась в самом центре шанхайского порта и района деловых зданий, неподалеку от знаменитых доков Бунд.

До приезда ешивы Мир, в первые десять лет после окончания строительства, здание использовалось довольно мало: изредка тут собирались на молитву, проводили свадебные церемонии, иногда укрывались от какой-нибудь опасности. Сама постройка была вполне современной. Даже число мест — вот уж совсем удивительно! — точно соответствовало числу учеников ешивы, которым предстояло здесь заниматься: 250. В здании находились не только главный зал, но и большая столовая, а также кухня со всем необходимым оборудованием. Рядом в пристройке помещалась микве, которая окончательно делала синагогу единым комплексом, где есть все, что нужно евреям.

Кто же был спонсором этого истинно еврейского уголка на Дальнем Востоке? Выдающийся раввин? Глубоко религиозный бизнесмен? Состоятельный филантроп? Синагога строилась явно для нужд местной общины. Но дело в том, что поблизости такой общины не было. (Впрочем, до тех пор, пока не приехали мудрецы из Европы). Святое Провидение чудесным образом проявилось и в том, чтобы выбрать на первый взгляд совершенно случайного человека, который дал знатокам Торы новое пристанище. А он был и вправду настолько далек от традиции, что даже женился на нееврейке!

Читателям, отличающимся рационалистическим мышлением, можно посоветовать книгу “Бегство в Шанхай”. В ней рассказывается, как богатый меценат Сайлас Хардун увлекся идеей возвести синагогу. Он выбрал этот нежилой в ту пору шанхайский район, потому что здесь по плану должны были построить еврейский квартал. Сайлас Хардун, конечно же, и не помышлял, что тут когда-нибудь разместится ешива. Тем не менее он исполнил свою миссию, учтя при планировке здания все, что так пригодились ешиботникам спустя целых десять лет. Эти не объяснимые логикой факты выходят за пределы любых расчетов и фантазий, доступных человеческому разуму. Снова, в который уже раз, невероятные обстоятельства привели к спасению Торы.

Почти на пять лет в этих стенах обосновался один из центров еврейской мысли и образования. То были самые плодотворные годы в изучении Торы, оставившие глубокий непреходящий след в каждом, кто здесь занимался. Надо еще раз подчеркнуть: многие раввины и будущие лидеры американских общин в огромной мере обязаны своим духовным развитием именно годам учебы в Китае.

В изучение Торы в Шанхае внесли большой вклад представители еще двух ешив — Любавичской и Люблинской. Они строили обучение на основе хасидской традиции, а потому студенты обеих этих ешив жили и занимались отдельно.

Высокую продуктивность пяти шанхайских лет определяли два фактора. Во-первых, отсутствие каких-либо известий о семьях, оставшихся в охваченной войной Европе, заставляло учащихся отдаваться занятиям с небывалым рвением, — только бы отвлечься от гнетущих мыслей. Во-вторых, не оставляло сознание того, что в дни страшного разрушения, обрушившегося на традиционные центры еврейской культуры, они очутились на островке спасения, и это обстоятельство налагает на них еще большие обязанности перед Б-гом, который столько раз спасал и сохранял их.

Шумная и тревожная атмосфера Шанхая, громадного центра мировой торговли, города, который являлся воротами в многомиллионный Китай, — не проникала туда, где проходили занятия Торой. Каждый день в любом уголке синагоги на Музеум роуд — в зале для занятий, в помещении для молитв — велось неустанное невиданное по своему упорству изучение Талмуда.

(Когда произошли известные события в Перл-Хар-боре, постоянная Б-жественная защита вновь доказала свое присутствие: после нескольких голодных дней Шанхай вновь наполнился едой и товарами).

Еще одна неожиданность, с которой столкнулись евреи в Китае, — технологические новшества единственной в своем роде шанхайской полиграфии. Армады воюющих государств перерезали все морские пути и тем самым полностью изолировали знатоков Торы от всего мира: неоткуда стало получать книги, жизненно необходимые для учебных занятий и духовного совершенствования. На сей раз спасение пришло непосредственно из Шанхая. Политический климат города хотя и противоречил всем заповедям Торы, неожиданно помог обитателям синагоги на Музеум роуд получить столь нужную им духовную пищу.

Среди всех портов мира Шанхай мог бы стать королем беззакония. Никакой закон здесь вообще ничего не значил, разве что один единственный — “дать на лапу”. Взятничество на всех уровнях — от полицейского на улице до председателя в суде — было самым обычным делом. Нескромные никакими запретами предприниматели действовали с превеликим размахом. Ограничений в рабочем дне тоже не существовало: магазины, к примеру, работали до полуночи каждый день, без выходных.

Неудивительно, что в такой обстановке отдельные отрасли развились особенно сильно. Одна из них — шанхайская полиграфическая промышленность. Игнорируя международную конвенцию об охране авторских прав, она печатала любую литературу всего мира. Для воспроизводства культурных ценностей была найдена новая технология производства дешевых репринтных изданий, и полиграфическое пиратство приобрело невиданные размеры. Новое китайское изобретение — “шанхайская литография” — использовало обработку камня дешевыми химикатами, что позволяло воспроизводить практически неограниченное число копий.

Книги — традиционное средство передачи еврейских ценностей. Ни одна сшива не может существовать без книг. Несколько членов шанхайской общины беженцев, благословенные предпринимательским идеализмом, использовали свое пребывание в Шанхае, чтобы воспроизвести драгоценные издания Талмуда и другие священные книги. Воспользовавшись новым китайским печатным способом, они значительно расширили общинные и личные библиотеки своих собратьев. Из отдельных изданий, сохранившихся после путешествия из Европы в Азию, были напечатаны целые серии необходимых для учения текстов, в том числе и некоторые трактаты Талмуда.

Так впервые в еврейской истории появились книги с легендарной надписью на титульном листе: “Напечатано в Китае”. Отныне ешивы могли продолжать занятия, не чувствуя себя духовно оторванными от всего мирового еврейства.

Гл. 26: Война приходит на Дальний Восток.

Вторая мировая война снова нагнала беженцев, на сей раз на другом конце света

Волны трагедии Перл-Харбора докатились до Шанхая раньше, чем до иных берегов. 7 декабря 1941 года, когда в Перл-Харборе было раннее утро, а в Шанхае ночь, японская тяжелая артиллерия открыла огонь по одинокой американской канонерке, бросившей якорь на реке Хуанпу. Артиллерийская канонада вмиг разогнала сон всех жителей. Беженцы принялись лихорадочно

гадать о возможной причине мощных разрывов. Некоторые евреи, служившие в польской армии во время немецкого вторжения, сразу же определили по звуку, что стреляют корабельные пушки. Позже удалось узнать, что американские моряки отвергли ультиматум о сдаче, после чего короткая и жестокая оружейная дуэль между неравными по огневой мощи противниками прекратила существование единственного представителя американской военной мощи в этом регионе.

Несколько часов спустя, уже на рассвете, грузовики с японскими солдатами пересекли границы Шанхая и захватили этот важный портовый город. Развешенные повсюду плакаты извещали от имени Его Императорского Величества, что Шанхай оккупирован японской армией.

Вторая мировая война снова нагнала беженцев, на сей раз на другом конце света. Окончательным подтверждением произошедших событий явилось конвоирование пленных американцев по шанхайским улицам. Стало ясно, что наступили новые времена.

В то время как имперские силы Японии победоносно расширяли свои границы на азиатском материке, Шанхай оставался островком мира, оторванным от звуков войны, отделенным армиями и флотами от погруженной в бедствия планеты. Город, представляющий собой гигантскую гавань мировой торговли, ворота в континентальный Китай, оказался заблокированным с моря и суши. Торговля замерла. Между тем Шанхай располагал громадным запасом товаров, которые прежде поставлялись на мировой рынок, а теперь лежали мертвым грузом на многочисленных складах. Это обилие посреди воцарившейся в мире нищеты было еще одним удивительным проявлением заботы Провидения о благополучии раввинов и учеников ешивы.

Тем не менее стражам Торы, как и другим европейским беженцам, пришлось претерпеть немало на протяжении долгих голодных месяцев. Пора лишений началась с начавшимися на Тихом океане военными действиями и закончилась лишь тогда, когда американские благотворительные организации, проявив небывалую щедрость, пришли на помощь шанхайским изгнанникам.

Ешиву главным образом поддерживал известный Ваад Ацала, который возглавляли неутомимый рабби Авраам Калманович и другие выдающиеся раввины Соединенных Штатов. Своими неустанными усилиями рабби Калманович и его сподвижники сумели значительно улучшить положение учеников и преподавателей ешивы. По соглашению с Ваадам всемирно известный Джойнт обеспечил деньгами и остальных еврейских беженцев, попавших в Китай.

Получив поддержку из-за океана, ученики ешивы еще глубже погрузились в изучение Торы, что помогало им не только отвлечься от окружающей действительности, но и преодолеть, как уже было сказано, снедающее их чувство неизвестности о судьбах близких, оставшихся в Европе.

К началу войны на Тихом океане в Шанхае насчитывалось около двадцати тысяч еврейских беженцев. Между представителями ешивы и остальными евреями, которые прибыли сюда главным образом из Австрии и Германии, ощущались серьезные, прежде всего мировоззренческие, расхождения. Значительная часть выходцев из Австрии и Германии жила в домах барачного типа, где почти невозможно было уединиться. Примитивные бытовые условия и лишения наложили отпечаток на психику этих людей. Они не понимали, сколь важно это время в их жизни, не замечали, что живут в вакууме и постепенно деградируют. Независимо от того, стояли ли они в очереди за миской горячей еды, которую раздавал из больших котлов Джойнт, или в другой очереди к общинному котлу или в городской столовой еврейского гетто, — их разговор неизбежно скатывался к одной и той же теме: о лучших временах, о “славном прошлом”, когда они имели положение в обществе, влияние, силу и богатство, были респектабельны и состоятельны. Настоящее для этих людей потеряло всякое значение. Сегодняшний день был замечен под ковер вчерашнего величия. Бесцельное прозябание являлось ничем иным, как выжидаанием возврата к лучшим, прошлым временам.

Община ешивы не нуждалась в грезах и пустых надеждах. Способность учеников к действию и самосовершенствованию не изменилась под влиянием условий жизни. Чтобы получать радость и

удовлетворение от духовного поиска им нужен был только стендер, на который можно положить книги. Их духовное развитие достигло столь высокого уровня, что многие впоследствии отказывались от драгоценных американских виз, предпочитая остаться здесь, в необыкновенной атмосфере Торы, невзирая на лишения и постоянную опасность.

Гл. 27: Этроги в Китае.

Ученики ешивы «Мир» ищут этроги в оккупированном японцами Китае.

Евреи в диаспоре всегда испытывали трудности с некоторыми предметами, необходимыми для выполнения мицвот. Это касается и этрога — одного из четырех видов растений, которые благословляют в Суккот. Остальные три — пальма, ива и мирт — распространены довольно широко и достать их гораздо проще, а вот в поисках этрога евреям каждый год приходилось идти подчас на отчаянные шаги — ведь требования Всевышнего должны быть выполнены полностью.

Еврейская община Шанхая в течение нескольких десятилетий получала этроги через одну набожную еврейскую семью по фамилии Абрахам. В конце концов семейство стало одним из богатейших на свете, а фамилия — нарицательной в мире международной торговли. Родом эти люди были из Багдада, но впервые появились в Шанхае после того, как попытались счастья в Бомбее. Индийский опыт, судя по всему, оказал¬ся неудачным, и глава семьи решил попробовать, как пойдут дела в Китае. Он привез с собой жену, множество детей и среди немногих земных сокровищ — козу, а также растение этрог. Отныне община могла встречать праздник Суккот со спокойной душой. Однако всеобщая радость длилась недолго: с началом событий в Перл-Харборе Давид Абрахам и вся его семья как британские подданные наряду с гражданами других союзных государств были арестованы и заключены в специальные лагеря. Собственность Абрахама конфисковала японская императорская армия, а в его доме поселился японский адмирал.

Бедствие одной семьи обернулось потерей этрогов для всех шанхайских евреев. После ряда неудачных попыток раздобыть этрог где-нибудь в другом месте решились попросить одного китайца забраться в сад Абрахама и нарвать этроги у адмирала. Прославленная императорская армия «прошляпила» эту вылазку, однако, видимо, в отместку, само растение вскоре было срублено.

Так впервые за много лет шанхайские евреи встали перед сложной проблемой: где взять этроги? Еще задолго до приближения очередного праздника Суккот были разработаны на этот счет самые разнообразные проекты, но для выполнения каждого надо было преодолеть множество трудностей. И самая первая трудность — как объяснить китайцам, что такое этрог? Попытки прибегнуть к помощи живописи ничего не дали. В конце концов снарядили двух беженцев и проводника-китайца и отправили их вглубь Китая на поиски заветного растения. Кто-то из местных евреев говорил, будто бы в Китае есть районы, где растут этроги.

Большинство жителей внутренних районов Китая прежде никогда не видело европейцев. Где бы ни появлялись еврейские посланцы, это вызывало сенсацию, их встречали, с королевскими почестями. Многие крестьяне даже гладили и щупали белую кожу чужестранцев, пытаясь понять, настоящая ли она.

Наконец неподалеку от Ханчжоу на загородных виллах богатых китайских дельцов были выстроены роскошные дворцы. К этому великолепию и росли деревья, похожие на этрог.

Но тот ли самый это этрог, о котором сказано в Торе? Н отличие от привычного этрога этот имел странный отросток, по форме напоминающий пальцы человеческой руки. Не случайно сами китайцы так и называли его: «божья рука».

Члены экспедиции привезли несколько таких этрогов, как говорится, на пробу. Некоторые знатоки алахи все же решились использовать столь сомнительный этрог во время обряда, но не

произносили над ним положенных благословений, тем самым давая понять, что сомневаются в истинности данных плодов. Другие же использовали привезенный этрог чисто символически — как внешний атрибут и напоминание о мицве. Все остальные отказались от находки совсем, утверждая, что ее ни в коем случае нельзя использовать в качестве этрога.

Гл. 28: Япония и “окончательное решение”.

Евреи Шанхая спасаются от реальной угрозы уничтожения.

В начальный период войны, пока страны оси Рим-Берлин-Токио одерживали победы над союзниками, Германия упорно вынуждала своих японских партнеров придерживаться условий договора по “культурному” сотрудничеству. Одно из важных, хотя и не зафиксированных на бумаге, условий этого договора требовало преследовать евреев, где бы они ни находились, включая и контролируемые Японией территории.

Когда почтенный Амчиновер Ребе ехал однажды по железной дороге из Кобе в Токио, трое немецких офицеров, проходя по вагону, обратили на него внимание. Уже сам вид типичного еврея — с длинной белой бородой и пейсами, и щадипионной хасидской одежде — привел “чистокровных арийцев” в ярость. Оба принялись орать и ругаться, на чем свет стоит. Они просто-таки визжали, задыхавшись от злобы.

— У гестапо руки длинные! И разные жида, думаете, будто можете ускользнуть от германского могущества? Даже если вы убежите на другой конец света, мы достанем вас и там! Мы вас все равно уничтожим!

Они били ногами беззащитного старика на глазах у пораженных японцев, и он тщетно пытался прикрыть от ударов хотя бы лицо. Затем так же неожиданно, как появились, немцы бросили свою жертву и перешли в другой вагон.

Германия не удовлетворилась гигантской антисемитской карикатурой на стене токийского универмага, мало ей было и антисемитской кампании в японской прессе. Немцы взялись за реальное уничтожение евреев, рассеявшихся по всему земному шару. Немецкая подводная лодка высадила в оккупированном японцами Сингапуре двух нацистов, чтобы те проинструктировали дальневосточных друзей как организовать систему гетто и лагерей смерти, подобную немецкой. Прошел слух, будто один из прибывших — пресловутый Иозеф Мейзингер, шеф варшавского гестапо, “варшавский мясник”, уничтоживший десятки тысяч евреев.

Появившиеся вскоре на стенах прокламации поразили всех шанхайцев. Сообщалось, что разрушенный бомбежками район трущоб вокруг гавани, а также прилегающие к нему военные заводы, отводятся для еврейского гетто. Все евреи объявлялись “беженцами, лишенными гражданства”, им надлежало покинуть свои жилища, взяв с собой лишь самое необходимое, и перебраться, куда ведено. Каждый, кто будет обнаружен вне гетто после 18 мая 1943 года, подвергнется жестокому наказанию.

Идея истребления целого народа была глубоко чужда японцам, неизвестно было им и немецкое понятие “мировое еврейство”. Множество попыток спасти евреев предпринимали по доброй воле не только рядовые японцы, но даже официальные лица, имевшие непосредственное отношение к выполнению приказа о создании гетто. Ну да и евреи, надо сказать, не скардничали, чтобы откупиться от тюрьмы и смерти. И все же, несмотря ни на что, беженцы вынуждены были переселиться в гетто.

На протяжении двух лет существования шанхайского гетто не раз возникали слухи о новых “административных мерах”, предусматривающих, якобы, сокращение территории, обнесенной колючей проволокой. Это означало дополнительные муки в еще большей тесноте и без того переполненных трущоб. Но вот что странно: японцы отрицали все опасения евреев, заявляя, что это “вражеская пропаганда” пытается очернить японский народ. Однако слухи не прекращались. Так, судя по одному из самых упорных слухов, Йозеф Мейзингер оказывал на японцев давление с тем, чтобы они наконец прибегли к “активным мерам” для “окончательного решения еврейского вопроса”.

История “окончательного решения”, готовившегося для шанхайских евреев еще задолго до создания гетто, описана рабби Ехезкелем Левенштейном в книге *Ор Ехезкель*. Подробности этого дела освещаются также в книгах “План Фугу” и “Отчаянные путешественники”. Эти книги раскрывают тайну китайских “подвигов” полковника гестапо Йозефа Мейзингера. Именно Мейзингер принудил японцев к участию в ликвидации евреев. Это произошло на сверхсекретном совещании с участием представителей японской армии и флота, руководителя японского департамента по делам беженцев (впоследствии коменданта гетто) Цутому Кубота, сотрудников японского консульства в Шанхае и главы Германского бюро информации. На совещании Мейзингер прямо заявил японцам о существовании наряду с прочими еще одного плана уничтожения общего еврейского врага: надо объявить шанхайским евреям, что в связи с американскими бомбардировками их переселяют на более безопасный остров. Суда, на которых будут перевозить евреев, должны затонуть в открытом море. Таким образом для Японии еврейский вопрос решится окончательно и бесповоротно. Истинные факты массовой гибели евреев должны быть замаскированы сообщением о несчастном случае и демонстрацией останков затонувших кораблей.

Предложение Мейзингера было принято. За согласие с немецким решением “еврейского вопроса” местным представителям власти была обещана щедрая награда — часть богатств, которые останутся после гибели еврейского населения Шанхая. А это — драгоценности, деньги, предприятия и дома богатых русских и сефардских евреев...

Сверхсекретный план предстояло осуществить через две недели, когда все евреи соберутся в синагогах на празднование Рош Ашана. Однако “...страж Израиля не дремлет и не спит...” Сверхсекретный план слишком сильно расходился с представлениями о порядочности одного из участников совещания, японского вице-консула в Шанхае Мицуги Шибата. Вице-консул понимал, что даже самые высокие чины в Токио никогда не помешают страшным планам местных руководителей армии и флота. Понимал он и то, что, раскрывая тайну, неминуемо ставит под удар собственную жизнь. Но совесть этого человека была сильнее всякого страха. Что станет, если массовое убийство совершится, а он так и не предупредит своих еврейских друзей? И Мицуги Шибата решил. Руководители еврейской общины Шанхая собрали около полумиллиона долларов на взятку японскому командованию, которую называли “пожертвованием японским вдовам и сиротам, родным погибших солдат и офицеров”.

Японцы были вне себя, когда их планы стали известны. Ужасными пытками они вынудили руководителей общины выдать имя “предателя”. Вице-консул, который присутствовал на тайной встрече в доме лидера общины Михаэля Шпильмана, и семь еврейских активистов были арестованы и забиты почти до смерти в пользовавшейся дурной славой тюрьме Бридж Хауз. Это чудо, что через несколько недель нечеловеческих мучений они все же вышли на свободу и остались живы. Вполне понятно, что им велели держать язык за зубами и никому не сообщать о перенесенном в тюрьме. Так что рассказанное здесь стало известно лишь после войны.

Как бы там ни было, а запятнать историю своей страны постыдным участием в варварском истреблении евреев японцы не хотели. В итоге замысел массового убийства беженцев так и не был реализован, шанхайские евреи спаслись.

Были и другие случаи, когда планы уничтожения евреев срывались буквально чудом. Так, предзнаменованием зловещих событий появлялись вдруг на стенах домов гетто объявления: "Лицам, лишенным гражданства (а это было синонимом слова "еврей" упаковать все необходимое надлежащим Правом, иметь при себе перечень всех вещей." Этот список своих скромных пожитков надо было хранить вместе с ключами от чемоданов, чтобы в случае переезда на другое место без промедления отдать властям. Все было запланировано для того, чтобы дать каждому еврею возможность "заняться полезной работой"; то была немецкая хитрость, которая использовалась ими всякий раз при депортации евреев в лагеря смерти. Но вот проходило несколько дней, и объявления исчезали так же внезапно, как и появлялись, без каких-либо официальных объяснений.

Беженцы считали, что эти неожиданные акции и их столь же неожиданные отмены отражают политические разногласия влиятельных фракций внутри Кем Пейтай, сверхсекретного органа власти японского оккупационного режима.

Немало беженцев усматривало в отменах депортаций очередное проявление защищающего евреев Небесного Провидения. В Европе аналогичные планы были доведены до окончательной реализации, но китайская община беженцев и среди них раввины и ученики ешивы осталась в живых, невзирая ни на какие угрозы.

Гл. 29: В шанхайском гетто.

Евреи Шанхая в гетто.

Почти для всех обитателей шанхайского гетто те два с лишним года заключения были наполнены дурными предчувствиями и постоянным страхом. Малейший проступок оборачивался жестоким наказанием: мало того, что комендант гетто имел садистские наклонности, он к тому же глубоко ненавидел всех "белых", а ослепленные пропагандой охранники испытывали необычайную гордость оттого, что им доверено выполнять указы императора".

Тем более контрастной была необычная мягкость, которую японцы проявляли по отношению к ешиботникам. Подтверждением тому служит следующая история. Несколько молодых членов ешивы Мир взбунтовались против насильного переселения в гетто. Особенно возмутило их то, что им предстояло жить в здании Армии Спасения, то есть рядом с шанхайскими отбросами общества — пьяницами, бывшими преступниками и прочим отребьем. Эти несколько евреев явились протестовать в ШАПС — Шанхайскую Ассоциацию Помощи и Сотрудничества (образованный японцами административный совет гетто). Протестовали бурно: в помещении ассоциации оказалась поломанная часть мебели и оборудования.

В соответствии с японской традицией любое должностное лицо служит исполнителем воли императора. Неподчинение приказу вело к немедленному наказанию, подчас даже к смертной казни. Поэтому в глазах японцев бунт нескольких евреев был равносителен открытому выступлению против самого императора и должен был закончиться для виновных смертью. Однако произошло чудо: не понесли никакого наказания даже те, кто непосредственно участвовал в акции протеста

— японцы ограничились лишь устным порицанием. Тот, кто хорошо знаком с психологией японцев того времени, наверняка подтвердит: это и вправду чудо.

А чтобы читатель, никогда не сталкивавшийся с японцами, мог лучше понять всю необычность снисхождения, проявленного к горстке недовольных евреям, надо рассказать про мост, который охранял японский солдат. Всем японцам и китайцам, проходившим по мосту, надлежало кланяться солдату, как представителю Его Императорского Величества. Даже европейцам приходилось снимать перед ним шляпу. По вот как-то под вечер усталый до ишествования китайский кули с тяжелой поклажей на плечах забыл отдать солдату дань уважения. Наказание последовало незамедлительно: солдат тут же отрубил кули голову.

...ШАПС огромными усилиями с помощью тысячи извинений, используя влиятельные связи, сумел предотвратить гибель своих юных подопечных. И все же удивительно, что бунт не заставил японцев хотя бы настоять на своем и поселить воспитанников ешивы именно в здании Армии Спасения. Ешиботникам было разрешено жить в другом месте на территории гетто.

Гл. 30: Во власти Торы.

13 августа 2006 года, из цикла «Спасение Торы из огня Катастрофы», темы: Йехезкель Ляйтнер

Избрав себе высокую цель, они заслужили экстраординарную привилегию — всегда находиться под Б-жественной защитой.

История шанхайского гетто была бы неполной без рассказа о целом ряде подробностей, демонстрирующих необычное отношение японцев к ученикам ешивы.

Любой приказ, относящийся к обитателям гетто, ставил своей задачей оскорбить и унижить и без того уже оскорбленных и униженных. Для значительной части беженцев заключение в стенах гетто означало потерю даже тех жалких грошей, которые прежде перепали им за случайную работу. Японцы запретили покидать гетто в поисках заработка. Гарантией для получения пропуска могла служить лишь справка от работодателя, что он готов тебя нанять. Но где же достать такую бумажку, если нанимаешься на день-два, а то и на считанные часы? Вдобавок ко всему за пропуском, если ты можешь на него рассчитывать, приходилось выстаивать в многочасовой очереди под палящим солнцем, а когда, наконец, подходил твой черед, на тебя обрушивался поток грубых и оскорбительных вопросов. Тут уж начальство гетто не стеснялось и в выражениях. Нередко просителей даже били. Поскольку пропуск выдавался не больше, чем на три месяца (так называемая сезонка), каждое его продление превращалось для просителя в новую пытку с садистскими выходками и фантастическими прихотями двух японских чиновников, которые заправляли этой службой.

Нарушение правил пользования с таким трудом доставшегося пропуска: ранний уход из гетто или позднее возвращение, отклонение от маршрута следования на работу или с работы, — все имело фатальные последствия. Даже один единственный день в тюрьме Уорд Роуд был равносителен смертному приговору. Камеры кишели вшами — переносчиками свирепствовавшего в тюрьме тифа.

Члены ешивы бросили вызов тем, кто нагнетал атмосферу страха и преследований в гетто — они еще активней отгородились от всего окружающего своими занятиями. С неослабевающим упорством они занимались чуть не круглые сутки. Днем собирались в Бейт Аарон или синагоге на Музеум роуд, расположенной в самом центре бывшего интерпоселка, сразу за территорией гетто.

Вернувшись обратно до одиннадцати вечера, когда начинался комендантский час, многие продолжали учебу в специальном Центре, открывшемся в гетто.

Жестокий порядок заключения практически не затронул учащихся и раввинов ешивы. Точней, они его не замечали, а потому по сути избежали новых испытаний. Отношение японцев к обитателям ешивы резко контрастировало с общей направленностью устава гетто. По непонятным причинам японцы позволили ешиботникам жить по-своему. С самого начала всем членам ешивы выдали коллективные пропуска, по которым они имели право покидать гетто и возвращаться в иск) целыми группами. Позже (в это трудно поверить, но такова истина) высокопоставленный чиновник из администрации гетто снабдил каждого индивидуальным пропуском, причем сам явился в ешиву для выполнения этой процедуры! Если вспомнить, как доставались пропуска другим, то становится очевидным, что это было ни чем иным, как ясным проявлением покровительства Всевышнего.

Несмотря на все преследования и указы, наперекор давлению и опасностям сшива продолжала углубленную с полной отдачей учебу. Во имя совершенствования своих знаний приверженцы Торы отрешились от всех мыслей об элементарных удобствах, не говоря уж о каком-либо благополучии. Избрав себе высокую цель, они заслужили экстраординарную привилегию — всегда находиться под Б-жественной защитой.

Гл. 31: Следы идолопоклонства в XX веке.

Древнее идолопоклонство не умерло, оно уверенно проложило себе дорогу в середину XX столетия — это было, пожалуй, самым удивительным открытием, сделанным мужами Торы в Японии и Китае.

Вера японцев в божественность Его Императорского Величества, не угасавшая по крайней мере до окончательной победы союзников в Азии, не могла не поражать западного наблюдателя. Иностранцы знали, что японцы, проходя перед воротами императорского дворца, обязаны кланяться. Но мало кому было известно что это был отнюдь не знак уважения человеку, стоявшему на высшей ступени государственной иерархии, а самое что ни на есть религиозное поклонение. Императора считали богом, сыном солнца, которое, в свою очередь, именовали не иначе как Всемогущим Отцом. И каждого императорского наследника почитали тоже именно как бога. Достаточно сказать, что заболевшего императора врач осматривал только в перчатках из тончайшего шелка, но ни в коем случае не голыми руками.

И восходящее солнце на японском флаге — не просто украшение. Это символ японской жизни и веры. А Его Величество, наследник бога-солнца, — отец всей японской нации. Отсюда и представление японцев о своем народе, как о единой семье, понятие, бережно охраняемое на протяжении веков. Отсюда — преданность императору, как божественному главе японской семьи. Если солдат во время военных действий не в силах выполнить доверенного ему дела, он не должен огорчать этим Его Величество. Воин лучше покончит с собой, совершив харакири, — так он накажет самого себя за то, что не исполнил возложенную на него императором миссию. Погибнуть во время сражения, пусть это будет даже самоубийство, — нет для японца лучшей смерти, ведь он выполнил свой долг перед японским народом и божественным императором. Умирать же не страшно, гибнет лишь тело, а душа продолжит свою жизнь, как звезда на небе, вместе с другими душами японских героев, самураев всех времен.

Пораженный европеец не мог поверить своим глазам при виде того, как, размахивая письмом из армии, мать радостно бежит по соседям и всем сообщает “прекрасную новость” — ее сын отдал себя в жертву во имя императора и нации.

Пик всенародной безоговорочной готовности к самопожертвованию пришелся на конец войны, когда было остановлено продвижение японских войск в Бирме и на островах Индонезии. Едва Япония начала терпеть одно поражение за другим и терять остров за островом, вера в идолов и особенно в главного идола — солнце, стала играть основную роль в укреплении японского национального духа. Однажды утром Шанхай Таймс, наиболее известная англоязычная газета, вышла с экстренным сообщением под аршинным заголовком:

“ИМПЕРАТОР СОВЕТУЕТСЯ С ПРЕДКАМИ! Как стало известно. Его Императорское Величество собирается встретиться со своим дедом Солнцем в одном из храмов, чтобы обсудить с ним военную ситуацию и спланировать эффективные меры борьбы с перешедшими в наступление американцами”.

Самые разные люди на улицах поздравляли друг друга. Вмиг уныние и апатия сменились приливом энергии и оптимизма.

Мог ли сторонний наблюдатель не удивляться такой наивности реликтового идолопоклонства и, главное, у кого — самой современной и технологически развитой нации во всей Азии! Надо было владеть собой, чтобы не рассмеяться, слушая об итогах встречи императора с Солнцем.

Древнее идолопоклонство не умерло, оно уверенно проложило себе дорогу в середину XX столетия — это было, пожалуй, самым удивительным открытием, сделанным мужами Торы в Японии и Китае.

Гл. 32: Американцы бомбят Шанхай.

Война подступает к Шанхаю.

В 1943 и 1944 годах японская военная машина начала давать серьезные сбои. После разгрома японского флота военно-морские силы США захватывали остров за островом, и вскоре обширные территории в Тихом океане были освобождены от японского владычества.

Несмотря на героизм и крайнее самопожертвование защитников, мощные укрепления японцев оказались бессильны перед американской военной техникой. Вторжение американцев в саму Японию было теперь только вопросом времени.

При таких обстоятельствах положение Шанхая становилось весьма ненадежным. Опасались, что лобовая атака на Японию причинит американцам слишком большие потери в людях и боевой технике. Поэтому необходимо было открыть в континентальном Китае второй фронт, создав тем самым, с одной стороны, базу для поддержки нападения на Японию, а с другой, — смертельную угрозу тылам японской армии на азиатском континенте. Японское высшее командование прекрасно это понимало. Было предпринято все необходимое для укрепления обороны города. По замыслу японского генерального штаба Шанхай должен был стать для американцев тем, чем стал для немцев Сталинград.

Перспектива превращения Шанхая в важнейший стратегический объект, несомненно, несла в себе серьезную опасность для огромного населения города. А в намерении союзников захватить Шанхай сомневаться не приходилось: число налетов американской авиации на город резко увеличилось. Каждую ночь в одно и то же время, хоть часы сверяй, завывание сирен гнало все население в убежища. Наряду с другими важными объектами американские летчики, в первую очередь, бомбили военные заводы рядом с портом и военно-морские сооружения — как раз те районы, где обитали жители гетто. Когда же противовоздушная оборона японцев была окончательно подавлена, налеты стали продолжаться до самого утра.

По сути еврейские беженцы оказались заложниками в этой смертельной игре. Постоянное ожидание гибели, синагога, ставшая последним прибежищем для молящих о чуде, сотни людей, лежащих в убежище, прижавшись друг к другу, матери, прикрывающие собой младенцев, — те ночные бомбежки оставили в памяти людей неизгладимый след. Непрекращающееся звучание псалмов и молитв тонуло в грохоте бомбовых разрывов и надсадном реве самолетов над головой.

Многие евреи выжили в этой мясорубке только чудом. Один ученик ешивы дремал после обеда на своей кровати, когда с запозданием взвыла сирена противовоздушной обороны. В тот же миг на дом рухнула бомба. Воздушной волной молодого человека вместе с обломками здания и кроватью выбросило на улицу, и он был погребен под грудami кирпича, штукатурки и дерева. Вокруг сразу стало темно, только где-то вдалеке пробивался лучик света. С огромным трудом юноше удалось выбраться из-под завала. В состоянии шока, не понимая еще что случилось, он вбежал в соседний дом и вдруг увидел себя в зеркале — покрытый пылью и грязью, черный от сажи, он все-таки был цел и невредим.

Даже под бомбами японцы продолжали возводить укрепления для обороны Шанхая. Все важнейшие магистрали, перекрестки города превратились в укрепленные точки с высокими сварными щитами и мешками с песком. На крышах высотных зданий разместились зенитки. На главных улицах через каждые несколько метров были вырыты одиночные окопы для японских солдат.

Столицу мировой торговли планомерно перестраивали в надежную крепость. Японцы не уставали с гордостью заверять, что Шанхай станет для американцев вторым Сталинградом и уж во всяком случае не достанется противнику без боя.

Тщательные военные приготовления красноречиво свидетельствовали о том, что ожидает шанхайцев. Да и недавнее прошлое — пример Манилы — говорило им о многом. Там, на Филиппинах, японцы тоже клялись, что не сдадут главный город оккупированной ими страны. И, действительно, защищая каждый квартал Манилы, ни один солдат не покинул свой окоп; они или погибали от пуль американцев, или делали себе харакири. В конце концов Манила вся оказалась объята пламенем, и поражение японских войск стало неминуемым. Тогда в последние дни обороны японцы вне себя от ярости принялись убивать всех подряд, ища врагов среди мирных жителей. Американцы вошли в пустой, разрушенный, залитый кровью город.

Неудивительно, что подобные приготовления заставили европейских беженцев в Шанхае ощутить всю безнадежность своего положения. Тем временем религиозная еврейская община, и прежде всего ее лидеры, неустанно искали возможность спасения. Был, в частности, разработан план побега на север, в Тяньцзинь. Однако руководство самой сплоченной группы — ешивы Мир —

усматривало в этом плане слишком большой риск: в пути евреев постоянно поджидала бы опасность нападения воинственных племен или бродяг-туземцев из пустынных районов Китая.

В те дни сомнений, когда евреи взвешивали все “за” и “против”, вновь был брошен жребий Виленского Гаона. Тот же известный мудрец вновь раскрыл Танах. И снова предстало перед ним чудесное решение. Ответ содержался в отрывке из книги Йешая (37:35): “Я буду охранять город сей, чтобы спасти егс (от гнева ассирийского царя) ради Себя и ради Дави да, раба Моего”. Параллель была очевидна. .

“Я буду охранять город сей” — явно относилось к Шанхаю и прямо отвечало на вопрос, выживет ли город. “Чтобы спасти его” (от гнева ассирийского царя) относилось уже к опустошительным налетам американской авиации. “Ради Себя и ради Давида, раба Моего” касалось ешивы Мир и преданности ее учеников и раввинов служению Всемогущему, той преданности, которую они доказали на деле в самых критических ситуациях. Таким образом, цитата из Танаха заверяла: Шанхай будет спасен ради посвятивших себя Б-гу слуг Его, которые иносказательно были представлены царем Давидом.

Споры и сомнения по поводу того, надо ли бежать из Шанхая, вмиг угасли. Было решено оставаться всем здесь и ждать проявления Б-жественного Милосердия. Никто и не подозревал о создании в Соединенных Штатах атомной бомбы. Никто не мог себе представить насколько быстро закончится война в Тихом океане и насколько бесполезна вся лихорадочная подготовка японцев к обороне Шанхая.

Гл. 33: Япония капитулирует.

Когда весть о полной капитуляции Японии достигла Шанхая, его жителей охватила неопишуемая радость

Итак, Шанхай в бешеном темпе готовился к осаде. 'А тем временем на другом конце земного шара под руководством неутомимого, всегда готового пожертвовать собой досточтимого рабби Авраама Калманови-ча делалось все возможное, чтобы спасти беженцев. Рабби Калманович обратился в Государственный департамент США, к американскому и советскому правительствам, к королю Швеции — ко всем, кто мог выручить из беды общину евреев. Россия сразу же отказала в помощи, сославшись на то, что в условиях военного времени не может вывезти в Европу столь большое количество людей. Такой ответ представлялся неискренним: линия фронта, на которой воевала Красная Армия, пролегла за тысячи миль от Сибири и к тому же неудержимо сдвигалась на запад. Однако открывшееся вскоре мощное наступление русских в Манчжурии и других стратегически важных районах Азии в какой-то степени объяснило многое.

Шведский король Густав V, с другой стороны, не ограничился лишь согласием предоставить беженцам территорию своей страны. С истинно монаршим благородством он дал указание своему послу в Шанхае “не щадить усилий” для оборудования принадлежащей посольству земли под надежное убежище нуждающимся. По приказу короля было куплено несколько соседствующих с посольством домов и над ними поднят шведский флаг. На крышах и стенах этих зданий появился национальный герб Швеции, чтобы летчики и артиллеристы обеих противоборствующих сторон видели: эти сооружения пользуются правом неприкосновенности, поскольку принадлежат нейтральному государству. По плану короля дома должны были распахнуть свои двери перед еврейскими беженцами, как только война подступит к Шанхаю. А до тех пор лишь руководящие

сотрудники шведского посольства и несколько лидеров общины знали, с какой целью далекая европейская страна обзавелась в Китае еще несколькими зданиями.

Однако случилось так, что евреям не пришлось войти в этот Ноев ковчег, чтобы выбраться из ада смерти. Атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, остановила войну и, тем самым, спасла жизни многим будущим лидерам мирового еврейства.

Когда весть о полной капитуляции Японии достигла Шанхая, его жителей охватила неопишуемая радость. В разгар лихорадочной подготовки к кровавой битве, в преддверии величайших испытаний и, возможно, смерти эта новость вмиг оборвала тот кошмар, в котором жили миллионы людей.

Радостное известие, прилетевшее к шанхайцам, было настолько неожиданным, что люди не могли сдержать слез. Многие евреи пели традиционный Аллель — хвалу Всевышнему, Хозяину человеческих судеб. Родные, друзья, да и просто незнакомые люди обнимались, целовали друг друга, не зная как еще выразить свое счастье. Однако мало кто пока понимал, что подошел к концу самый черный период еврейской истории.